

Непревзойдённый Звезда забвения

ВАДИМ ПАНОВ

Непревзойденные

Вадим Панов

Ириска и Звезда Забвения

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

«Папсуев Роман»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Ириска и Звезда Забвения / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов
Вадим», «Папсуев Роман», 2016 — (Непревзойденные)

ISBN 978-5-699-91517-0

Этот мир находится так далеко, что до него невозможно добраться. Дорогу в него легко позабыть, и тогда Самоцветный Ключ обратится в заурядное украшение. Этот мир находится так близко, что к нему можно прикоснуться рукой, и часто мы, сами того не замечая, проходим через него. Дотрагиваемся до настоящего, живого Волшебства и улыбаемся. Потому что нам становится тепло и радостно. Потому что этот мир – Прелесть... Хотите знать больше? Об Ириске и ее друзьях? Приходите в уютный домик www.iris.house

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91517-0

© Панов В. Ю., 2016
© Эксмо, 2016
© Панов Вадим, 2016
© Папсуев Роман, 2016

Содержание

Пролог	8
Глава I	11
Глава II	15
Глава III	23
Глава IV	36
Глава V	43
Глава VI	53
Глава VII	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Вадим Панов

Ириска и Звезда Забвения

© Панов В., Папсуев Р., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Ириска и Звезда Забвения

волшебная история
ВАДИМА ПАНОВА

украшенная восхитительными иллюстрациями
РОМАНА ПАПСУЕВА

Москва
2016

Если вы внимательны к детям, то обязательно подмечали, как порою ими овладевает глубокая, иногда необъяснимая задумчивость. Только что они

играли или рисовали, смеялись или плескались в воде, и вдруг, как по мановению волшебной палочки, умолкли, обратив свой взор куда-то вдаль.

Или в небо.

Или на вас... Но вас не видя.

И вы тоже умолкаете, потому что не хотите мешать. Потому что в этот самый миг ребёнок вспоминает замечательную книгу; или важные слова, которые он сказал или должен сказать другу; или же уносится мыслями в далёкий-далёкий мир, о котором вы успели позабыть...

Пролог

*в котором любознательный читатель наслаждается
видом удивительного Кораллового Дворца и впервые
встречается с тем, с кем лучше не встречаться*

Он был прекрасен.

Он был великолепен.

Он был виден издалека, от самого горизонта бескрайней морской глади, и выглядел по-королевски величественно.

Перед теми, кто плыл по морю, Дворец являлся неспешно, с достоинством, позволяя вдоволь налюбоваться на узорные стены, голубые и розовые; на изящные башни, тонкие и высокие; на сплетение садов и садилов, переполненных пышными кустами и раскидистыми деревьями; на россыпь домов и домиков со светлыми окнами и острыми крышами; на дивный лабиринт узких улиц, горбатов мостов, поросших цветами прудов, небольших водопадов, одетых в гранит каналов и весёлых фонтанов.

Он был большим и красивым.

Коралловый Дворец Непревзойдённых. Великолепный в своём убранстве. Изысканный настолько, что им можно было любоваться бесконечно.

Восхитительный Дворец, о котором в Прелести слагали легенды, стоял на большом острове, привольно раскинувшись посреди тёплого океана. Главная башня, называемая Первой – у её подножия Непревзойдённые устраивали знаменитые карнавалы, – возвышалась на горе и резными зубцами упиралась в самые звёзды. Казалось, с её высоты можно разглядеть всю Землю: всю, всю, всю – каждый уголок.

А от башни, подобно прекрасному шёлковому платку, пёстрому, расшитому яркими нитями, спускался к морю сам Дворец, мягко и нежно укладывая камень в чистую воду... Нежно-зелёную у берега, где неглубокое дно покрывал белый песок, и невозможно синюю, как

нарисованную, на глубине; чуть темнее у скал, чуть светлее на отмелях; играющую с покрытыми водорослями рифами, сверкающую на солнце, меняющую цвет при появлении облаков, на закате, на рассвете, ночью... А ночью... Ночью в тот прекрасный океан налетало бесчисленное множество морских светлячков, затейливо играющих в чудесном лунном свете.

По ночам Непревзойдённые любили гулять по берегу, слушать шум прибоя, мочить в волнах ноги и улыбаться...

А ещё они любили плыть по лунной дорожке как можно дальше, словно стараясь добраться до того места, где она превращается в волшебную лестницу, ведущую высоко-высоко вверх, к облакам, и ещё выше, много выше облаков, выше зубцов Первой башни, к Луне и звёздам, к восхитительному «Там», сидя на краю которого можно с доброй улыбкой смотреть и на Коралловый Дворец, и на удивительный остров, и на чарующее море, которое ночное светило раскрасило во все оттенки серебряного.

А чуть позже, когда Луна поднималась в зенит и по-хозяйски останавливалась над Дворцом, превращаясь то ли в его подружку, то ли в большой фонарь, Непревзойдённые возвращались домой и зажигали свет в каждом окне каждой башни. На улицах вспыхивали гирлянды разноцветных фонариков, подсвечивались бассейны и водопады, разлетались светлячки по кустам и деревьям, и могло показаться, что пришёл шумный праздник, но то был обычный вечер. Самый обычный, ибо Коралловый Дворец оставался прекрасным всегда.

Прекрасным настолько, что никто не мог его забыть, увидев хотя бы раз. Прекрасным настолько, что в него хотелось возвращаться снова и снова. Прекрасным настолько, что снился в самых радужных снах, но...

Но человек, который смотрел на Коралловый Дворец той ночью, наполнял своё сердце не радостью, а злом. Его раздражали разноцветные огоньки и облака светлячков над садами, шёпот в скверах, смех на улицах, игры на площадях, шум прибоя и водопадов. Чёрный человек, который смотрел на Дворец, бесился при мысли, что кому-то может быть хорошо.

И поклялся погубить всё, что называлось Прелестью...

Глава I

в которой Ириска и Полика узнают о прибытии цирка «Четырёх Обезьян», а Хиша и Уди хотят узнать, зачем он прибыл

Сегодня праздник! Сегодня – радость! Сегодня будет волшебство!

Сегодня смех зальёт округу и все лягут спать с хорошим настроением! Потому что сегодня...

– Ура! – Пробежав через калитку, десятилетняя Ириска не удержалась и захлопала в ладоши, бурно выражая охвативший её восторг. – Ура! Ура! Ура!!

– Чему радуешься? – громко спросила Полика.

Сестра, к которой радостная Ириска примчалась рассказать о приближающемся Событии, сидела на террасе и сосредоточенно красила ногти. Сегодня Полика решила подарить каждому пальцу собственный цвет, разместила на столе не менее трёх десятков флакончиков с лаками и придирчиво выбирала из оттенков синего, зелёного, фиолетового, красного, жёлтого... Другими словами, из всех цветов и оттенков, что значились в её обширной коллекции. Занятие доставляло Полике истинное наслаждение, и девочка оторвалась от него неохотно и даже поморщилась, услышав издаваемый Ириской шум, заодно подумав, что в их скучном дачном посёлке не могло случиться ничего, способного вызвать подобный восторг.

Лето было в самом разгаре – стоял июль, многие ребята разъехались, Полика сама считала дни до обещанной родителями поездки к морю, и потому радость сестры показалась беспричинной. Впрочем, Ириска была младше на целых четыре года и частенько радовалась тому, что «взрослая» пятнадцатилетняя Полика считала недостойным внимания или упоминания.

– Ура!

– Да что случилось?!

– Цирк! – Ириска подпрыгнула, рассмеялась и снова захлопала в ладоши. Её переполняли чувства. – Цирк!

– Что цирк?

– «Четырёх Обезьян»!

– Я его знаю, – подтвердила Полика, возвращаясь к ногтям. – И что?

– Цирк приехал!

– Куда?

– Сюда!

– Сюда?! – Старшая сестра так изумилась, что едва не покрасила мизинец чёрным лаком вместо тёмно-синего. – Джузеппе приехал сюда? Не может быть! Они не могут пройти в наш мир.

– Цирк остался в Прелести! Но он рядом! Прямо здесь!

– Где?

– Да за воротами! – выкрикнула Ириска, обрадованная тем, что сестра наконец-то ей поверила. – Цирк приехал, и будет представление! Прямо сейчас!

– Где?

– На «футболке».

Так называли большую поляну за оградой дачного посёлка, на которой стояли ворота и несколько скамеек для зрителей. «Футболка» была достаточно большой, чтобы на ней расположился цирк «Четырёх Обезьян», но что ему делать здесь, в провинции, даже по меркам мира людей, не говоря уж о Прелести? Зачем давать представление вдали от шумных городов и

многочисленных зрителей? Никогда раньше бродячие цирки не заглядывали в такие вот медвежьи углы.

– Будет представление!

– Врёшь!

– Я слышала зазывал. – Ириска хотела обидеться на неверие, однако искренняя радость от появления циркачей помогла девочке сохранить хорошее настроение. – Они кричали, что будет представление.

– Но почему здесь?

– Может, Джузеппе решил устроить нам сюрприз?

– Ты с ним говорила?

– Ещё нет. – Ириска схватила велосипед и развернула его к калитке. – Поехали!

– Подожди! – И Полика принялась торопливо докрашивать ногти. Именно докрашивать, не особенно задумываясь, каким цветом покрывает тот или иной палец.

Полика заторопилась, потому что увидела, как заискрился Самоцветный Ключ – особый кулон, который она постоянно носила на шее, и окончательно убедилась, что сестра не лжёт: цирк действительно поблизости, и волшебный Самоцвет готов распахнуть двери, пропуская девочек в Прелесть. В чудесный мир, расположенный совсем рядом и одновременно – необычайно далеко.

В мир магии и приключений.

– Кому ты сказала о цирке?

– Все уже знают!

– Где твой Ключ?

– В комнате оставила, – торопливо ответила Ириска. – Сбежать?

– Не будем терять время! – решила Полика, машинально дотронувшись до кулона. – Пройдём по моему Самоцвету. Так можно.

– Договорились!

Девчонки прыгнули на велосипеды и помчались к воротам посёлка.

Обе стройные, красивые, с большими глазами и светлыми, выгоревшими на солнце волосами: прямыми у Полики, кудрявыми у Ириски. Настолько соскучившиеся на летней даче, что без раздумий поспешили на звуки музыки, торопясь успеть к началу представления.

Поспешили, не зная, что впереди их ожидает невообразимо опасное приключение, уготованное чёрным человеком, ненавидящим великолепный Коралловый Дворец.

* * *

А тем временем в кустах, что окружали «футболку», едва не приключилась настоящая ссора...

– Осторожнее! – приглушённо вскрикнул барсук.

– Сам осторожнее! – огрызнулся страус.

– Ты мне на хвост наступил!

– А ты его не распускай!

– Думай, что говоришь.

– Зачем?

Несколько секунд барсук Уди изумлённо таращился на Хишу, пытаясь осознать последний ответ друга, после чего согласился:

– Действительно, зачем тебе думать?

– Ага.

– Это ведь так сложно.

Барсук надеялся, что на этом разговор закончится, однако Хиша всегда оставлял за собой последнее слово, и он довольно громко, но так, чтобы не услышали посторонние, заявил:

– Я буду думать, чтобы ты завидовал.

И подбоченился, поглядывая на барсука с горделивой улыбкой победителя, мол, что, съел? Уди же, который давным-давно привык к поведению друга, лишь вздохнул, как бы соглашаясь: да, съел, и тихо, но очень серьёзно, спросил:

– Что мы тут делаем?

Однако услышан не был.

Убедившись, что оставил последнее слово за собой, то есть именно он одержал победу в споре, Хиша несколько секунд наслаждался позой чемпиона, затем придирчиво оглядел барсука так, словно встретил его впервые в жизни, и строго сообщил:

– Надо замаскироваться. Если циркачи тебя увидят, то сразу узнают.

– Меня узнают? – поперхнулся Уди. – Скорее уж тебя, страусятина лохматая.

– Страусы не бывают лохматыми, – поправил друга Хиша.

– А какими?

– Пернатыми.

– То-то я смотрю, ты страус неправильный: лохматый и в перьях.

– Я тебя сейчас сумкой стукну, – кротко пообещал не лохматый.

– Не надо сумкой, – попросил Уди. – Кто знает, чем это закончится?

– Вот именно.

Хиша, решивший, что уже дважды «победил» в споре, пришёл в превосходное настроение и хихикнул, наслаждаясь своим умом.

– Теперь ты скажешь, что мы тут делаем?

Для вопроса были все основания.

Уди: Боевой Барсук красно-синих; и его болтливый друг-страус прятались в густых кустах на краю поляны, на которой цирк «Четырёх Обезьян» готовился дать представление. Сейчас их никто не видел: ни зрители, которые постепенно подходили к шапиту, привлечённые громкой музыкой, ни циркачи, однако друзья не собирались прятаться всё время, им нужно было попасть внутрь, но как?

– Может, проскочим? – протянул страус. – Не все знают, что нас ищут.

– Здесь полно тех, кто знает, – напомнил Барсук.

– Значит, нам нельзя привлекать к себе внимание, – глубокомысленно произнёс Хиша. – Поэтому ты прикинешься цирковым животным и будешь делать вид, что я вывел тебя на прогулку.

– Может, наоборот? – насупился Уди.

– В наоборот никто не поверит, – парировал Хиша. – Я слишком красив, чтобы гулять на поводке.

– Ты хочешь нацепить на меня поводок?! – возмутился Барсук.

– Разумеется, ты ведь будешь делать вид, будто только что вышел из клетки.

– За это спасибо, – проворчал Уди.

Но, как выяснилось через секунду, поторопился.

– Иначе все решат, что ты из неё сбежал, – закончил Хиша. – И мы привлечём ненужное внимание. Нас поймают, все наши усилия пойдут прахом, и мой гениальный план не сработает.

– Расскажи о гениальном плане, – перебил друга Барсук. – Что мы тут делаем?

– Не мы, а они, – соизволил ответить Хиша.

– Кто они? – не понял Уди.

– Цирк, – объяснил Хиша тоном преподавателя молекулярной химии, случайно оказавшегося на уроке в первом классе. – Нужно выяснить, зачем сюда приехал цирк.

– Дать представление.

– В лесу?

Уди помолчал, внимательно оглядел поляну, собирающуюся публику – зрителей было значительно меньше, чем на обычных выступлениях «Четырёх Обезьян», почесал в затылке, припоминая их путь в кусты, в которых они сейчас прятались, и сообщил:

– Здесь неподалёку есть дачный посёлок, а поскольку сейчас лето, в нём наверняка полно знающих о Прелести детей. Цирк даст представление, всех порадует и уедет. А вот нам надо держаться от шапито подальше, потому что я не хочу попасть в клетку по-настоящему.

– Цирк «Четырёх Обезьян» – самый большой и самый известный в Прелести, – поучительно напомнил другу Хиша. – Никогда! Никогда раньше он не давал представлений на лесных полянах у дачных посёлков.

– Всё меняется.

– И я хочу знать, что именно изменилось, – топнул правой лапой Хиша. – Идём! Делай вид, что ты из клетки. Иногда рычи, но дружелюбно, не пугай публику.

– Нас поймают, – вздохнул Уди.

– Только не твякай, потому что на собачку ты не похож.

– Даже на кавказскую овчарку?

– Ты плохо подстрижен.

– Но...

– Тихо! – Страус стал по-настоящему серьёзным, и Барсук замолчал. – Я сделаю нас невидимыми, так что в цирк мы войдём легко.

– А потом? – Уди покосился на таинственную кожаную сумку, которую друг всегда носил на плече. – Что будем делать, когда твоё волшебство растает?

– Тогда и решим. – Хиша глубоко вздохнул и сделал шаг из кустов. – Идём, пока на нас никто не обратил внимания.

Глава II

в которой начинается представление знаменитого цирка «Четырёх Обезьян», Ушастая Бетти замечает неладное, а Хиша и Уди похищают Ириску

«Футболка» располагалась не сразу за воротами: сначала нужно было перейти ведущую к посёлку дорогу, углубиться по тропинке в заросли и лишь затем оказаться на большой поляне. Именно от неё, по мнению местных, начинался «настоящий» лес, поэтому считалось, что «футболка» находится на опушке. Полоса деревьев и кустов, отделяющая поляну от дороги, была довольно густой, однако яркое шипито скрывали не только ветви: бродячий цирк пребывал хоть и на той же поляне, но в Прелести, и увидеть его можно было, лишь пройдя в волшебный мир с помощью Самоцветного Ключа.

– Ты готова? – громко спросила Полика.

– Да! – выдохнула Ириска. Ей не часто доводилось бывать в Прелести, и она немного волновалась.

– Вперёд!

Девочки оставили велосипеды, подошли к месту, на которое указывал кулон Полики, и, взявшись за руки, «нырнули» в воздух, который внезапно оказался жидким. Но не мокрым. Зато холодным, как снег на вершине горы.

Таковыми были врата в волшебный мир: похожими на вертикальную лужу, за которой скрывалось много невероятных тайн и приключений.

– Мы в Прелести!

– Ура!

А в следующее мгновение Ириска и Полика услышали настоящий звук трубы, а не волшебное эхо, что доносилось до мира людей.

– Они начинают!

– Скорее!

И девочки побежали к главному входу, не забывая при этом озиаться по сторонам на выставленные циркачами диковинки.

– Они привезли долбоцефалов! – Ошарашенная Ириска указала на загон, в котором топтались огромные, не уступающие слонам звери. Долбоцефалы напоминали гигантских ящеров с массивными головами, вооружёнными устрашающими рогами и защищёнными крепким роговым панцирем – благодаря солидной защите огромные монстры могли пробивать даже крепостные стены. – Я никогда их не видела!

– Увидишь на представлении!

– Полика, пожалуйста, давай быстренько сбегает и их погладит! – протянула Ириска. – Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Гладить здоровенных ящеров, у которых присутствовали не только рога, но и клыки, показалось старшей сестре глупостью, поэтому она воспользовалась главной отговоркой:

– Мы опаздываем!

– Откуда ты знаешь?

– Отсюда! – Девочка подняла указательный палец, заставив Ириску умолкнуть. – Слышишь?

– Ах!

Задорная цирковая труба пропела вновь. Да так явственно! Так отчётливо! Так весело! На этот раз трубадуры «Четырёх Обезьян» не ограничились коротким призывом – прозвучала

целая музыкальная фраза, на которую нельзя было не обратить внимания, поскольку смысл её знал всякий, кто хоть раз побывал в цирке.

– Начинается парад-алле!¹ – крикнула Полика.

– Мы успеем! – отозвалась позабывшая о долбоцефалах Ириска. – Успеем! Успеем!!

И девочки успели.

Дородная медведица в сарафане, капоре и модных солнцезащитных очках продавала билеты прямо у входа в шапито: гривенник на галёрку, полтинник в центре, золотая лилия – у арены; и сёстры, не раздумывая, отправились на первый ряд. Схватили подаренные леденцы, бегом добрались до кресел, плюхнулись в них и тут же захлопали, бурно приветствуя появившихся артистов.

– Акробаты! Акробаты!!

– Алле!

Мускулистые ребята одновременно сделали сальто вперёд, потом назад, а потом зама-хали руками, приветствуя почтенную публику. А следом шли жонглёры, которым наступали на пятки забавно подстриженные пудели, клоуны на дурацких велосипедах, усатый дрессировщик, не побоявшийся вывести злобно клацающего клыками бедошавра, канатоходцы, эквилиб-ристы...

– Алле!

А командовал парадом настоящий орангутан – с длинными передними лапами и короткими задними, с круглыми ушами, чёрными глазами и огромным подвижным ртом, то и дело расплывающимся в весёлой улыбке. Орангутан был вёртким, словно уж, и рыжим, будто кусочек солнца. И ещё он оказался настоящим франтом: облачён в отутюженный чёрный фрак, который носил с небрежным изяществом, белую манишку, белые брюки и белые перчатки. А его голову украшал чёрный цилиндр, лихо заломленный на затылок.

– Кто это? – спросила Ириска у соседки, которой оказалась фея Двора Бесподобных.

Эта девочка жила в соседнем посёлке, и иногда они встречались на лесном пляже.

– Шпрехшталмейстер² Трынделъ!

– А где Джузеппе?

– Кто?

– Не болтайте! – прошипели сзади. Во втором ряду Ириска заприметила чинное семейство Выдриусов, хозяев заросшего Унылого пруда, и поняла, что побеситься на представлении не получится. – Девочки, ведите себя тихо, ничего же не слышно.

Не слышно? Как можно не слышать музыку? И как можно было слышать что-то, кроме неё?

Ведь сейчас звучала не одинокая труба, которой цирковые музыканты подавали первые сигналы. Нет! Во время парада оркестр разыгрался в полную силу, сопровождая яркое действо великолепным маршем, обещающим стать увертюрой к чудесному представлению.

Музыка, смех и аплодисменты...

И всё вокруг завертелось, заворожило, увлекло...

Хорошее настроение вскружило голову, и никто из зрителей не заметил, как посреди арены появилась золотая тумба и когда на неё успел взгромоздиться вездесущий Трынделъ.

– Спешите видеть! – объявил орангутан, оказавшись в перекрестье нескольких прожек-торов. – Только сегодня и только сейчас! Проездом из Владивосторга в Шанхай! Единственное представление даёт знаменитый на весь мир цирк «Четырёх Обезьян»!!

¹ Парад-алле – торжественный выход на арену всех артистов перед началом представления.

² Шпрехшталмейстер – ведущий циркового представления.

И на этих словах за спиной шпрыхшталмейстера явилась весёлая троица: два шимпанзе с саксофонами, один в красном смокинге, другой в лимонно-жёлтом, и гигантская горилла в ярко-зелёном, сосредоточенно дующая в блестящий тромбон.

– Представление начинается!

Трындель выстрелил из большого револьвера, и тумба с четырьмя обезьянами скрылась в тумане золотых и серебряных блёсток. Музыка резко оборвалась, арена показалась пустой, в зале грянули аплодисменты, а возле Полики появился энергичный мороженщик в белом с красными полосками фартуке, белом комбинезоне и с объёмистым лотком на пузе:

– Мороженое! Ледяные шоколадные шарики в вафельных рожках! Три ванильных десерта по цене двух! Обедение!

– Нет... – Полика помнила, что мама просила не есть перед ужином сладкое, и попыталась мужественно отказаться от соблазнительного предложения.

Но усач не отступал:

– Сахарная вата! Сладкая газировка!

– Мороженое, – решительно произнесла Ириска, не отводя взгляд от арены. – Два! Которое как три!

– Дайте, – согласилась Полика, протягивая деньги.

А на арене уже началось представление, оторваться от которого не было никаких сил. Да и зачем отрываться? Зачем пропускать замечательное шоу? Зачем?

Забавные пудели прыгали в обручи по одиночке и стаями, кувыркались и ходили на задних лапах. Воздушные гимнасты в блестящих трико взлетали к самому куполу, вызывая в зале громкое аханье. По натянутым, как струны, канатам ездили на одноколёсных велосипедах медведи в цветастых шортах, а силачи Кияшко поднимали огромные штанги и свободно жонглировали гигантскими металлическими шарами, каждый из которых мог раздавить средних размеров дом. Или же долбоцефала – этих гигантских редких зверей, чьи массивные головы украшали страшные рога, не часто можно было увидеть за пределами благодатной долины Голубых Озёр, и потому их появление произвело фурор. А уж когда усатый дрессировщик бросил гигантам разноцветный мячик и они затеяли потешную игру в футбол, зал взорвался аплодисментами.

За мороженым последовала газировка, потом сахарная вата, потом леденец на палочке... Красноносый клоун подарил Полике голубой шарик, а Ириске – со звёздочками; пробегающий пудель позволил себя погладить, а бедозавр зло вытаращился и клацнул пастью совсем рядом, добавив к сладости происходящего терпкий привкус испуга.

Время летело незаметно, зрители не уставали хлопать и смеяться, из-за кулис выбегали всё новые и новые артисты, и казалось, что чудесное представление не закончится никогда. Что его можно смотреть вечно.

Однако любое, даже самое прекрасное шоу рано или поздно приближается к финалу.

– А теперь – гвоздь программы! – помпезно провозгласил Трындель после выступления стаи летучих мышей и жутких ночных гадов, из которых Ириске больше всего запомнились опасные крылоцапы. – Величайший волшебник всех времён и народов! Чёрный маг и prestidigitator!³ Великий Захариус Удомо!

Раздался оглушительный взрыв, и шпрыхшталмейстер рассыпался в разноцветные конфетти.

– Ах! – дружно выдохнули зрители, семейство Выдриусов зарычало, а мальчик, что сидел слева от Полики, проглотил целый шарик ванильного мороженого.

Арена окуталась дымом, а когда он рассеялся, перед зрителями предстал высокий мужчина с узким неприятным лицом и большими ушами. Его короткие кудрявые волосы, когда-

³ Prestidigitator – фокусник, развивший необыкновенную ловкость пальцев рук.

то чёрные, а сейчас – с густой проседью, плотно облепляли голову, словно боялись опасть и не вернуться, а тёмные глаза смотрели с ленивым превосходством. Удомо был облачён в бордовый фрак и того же цвета ботинки, сорочка на нём была алая, а галстук – тоже бордовый. Завершали картину цилиндр, который Захариус сразу передал помощнице, и лёгкий чёрный плащ, оставшийся на узких плечах престижитатора на всё время представления.

Маг оглядел зал, улыбнулся и щёлкнул пальцами:

– Алле!

– Ах! – повторили зрители, потому что на арене, повинувшись неслышному приказу Удомо, появились все четыре обезьяны разом: горилла Кокки внизу, на её плечах шимпанзе Грым и Грам, а на них балансировал улыбающийся во весь рот Трындель.

– Смертельный номер! – провозгласил неунывающий орангутан, придерживая спадающий цилиндр задней лапой. – Вы видите знаменитую пирамиду «Четырёх Обезьян» – визитную карточку нашего цирка!

Зрители разразились аплодисментами, но тут же снова выдали:

– Ах!

Потому что после следующего щелчка пальцами пирамида обернулась белым элефантом в жёлтом тюрбане. Элефант встал на передние лапы, вытянул хобот и прогудел «Калинку», отправив публику в состояние неопишемого восторга.

– Замечательный номер, правда?

Полика повернулась и с удивлением увидела, что слева, в кресле, где только что сидел проглотивший мороженое мальчик, свободно развалился орангутан-шпрыхшталмейстер.

Увидела и не удержалась от вопроса:

– Вы ведь только что были на арене?

– Это магия, моя милая, – рассмеялся Трындель. – Разве ты не почувствовала?

– Почувствовала.

– И я тоже, – вставила Ириска, обрадованная тем, что к ним подошёл сам шпрыхшталмейстер.

Но орангутан смотрел исключительно на Полику.

– Тебе нравится представление?

– Очень!

– Раньше гвоздём программы считался дрессировщик тигров, но работа поглотила беднягу целиком, и пришлось сделать ставку на волшебника.

– Мне нравится выступление Удомо, – произнесла девочка для поддержания разговора.

– Мне тоже. – Орангутан растянул огромный рот в весёлой усмешке.

Тем временем Захариус куда-то дел элефанта и вновь оглядел зал. Медленно оглядел, словно пытаясь отыскать того, кто в него не верил или кому не понравился фокус. Взгляд у Захариуса оказался тяжёлым, словно отлитым из чугуна, однако зрители не волновались и не тревожились. Напротив, они улыбались, ожидая, когда Удомо совершит очередное чудо.

– Для следующего номера мне нужен помощник! – громко объявил чёрный маг. – Кто хочет рискнуть?

– Приключение начинается, – прошептал Трындель, неожиданно оказавшись совсем рядом с Поликой. – Ты готова?

– Я не хочу, – так же тихо ответила девочка.

– Меня возьмите!

– Меня!

– Меня!!

По всему залу дети и взрослые тянули руки, надеясь, что престижитатор их заметит, но Захариус медлил. Улыбался, растягивая губы, словно они были сделаны из резины, и медлил.

– Боишься? – спросил орангутан.

И попал в точку: подобные обвинения девочка не терпела.

– Что нужно будет сделать?

Полика не раз бывала в цирке и видела, что фокусники вытворяли с добровольными помощниками: прятали их в тёмные комнаты, запирали в сундуках, распиливали на части и даже переодевали!

– Вдруг он меня спрячет и забудет куда?

– Глупышка, – рассмеялся шпрыхсталмейстер. – Захариус Удомо – величайший маг Прелести! Он никогда ничего не забывает. Иди скорее!

И буквально вытолкнул девочку на арену.

– Отлично! – провозгласил prestidigitator. – Помощница у меня есть!

В зале послышались разочарованные голоса, но они быстро стихли.

А Ириска, обрадованная тем, что сестра примет участие в настоящем цирковом представлении, громко засмеялась, захлопала в ладоши, услышала очередное недовольное: «Пс-с!» от семейства Выдриусов, затем короткое: «Пст!!» – решила, что ей делает замечание кто-то ещё, повернулась на голос, и... и замерла с открытым ртом и разведёнными для хлопка ладонями – в проходе между рядами стоял Дикий Страус.

Самый что ни на есть настоящий.

* * *

– Кто пустил в зал этих зверей? – злобно прошипела Ушастая Бетти, резко отвернувшись от щёлочки, через которую следила за зрительным залом. – Я спрашиваю: кто?!

– Может, они мороженое продают? – пропищал чей-то голос из груди клоунских велосипедов.

– Что?! – взревела Ушастая.

На этот раз ответом стала тишина.

За глаза Бетти называли Ушастой, поскольку она дрессировала летучих мышей и прочих ночных гадов, однако в лицо ей так говорить опасались, потому что тётка являлась главной помощницей Захариуса Удомо и имела право приказывать остальным циркачам. Во время представления Бетти разгуливала за кулисами в обтягивающем трико с ушами, но сейчас, поскольку её номер уже закончился, Ушастая стащила с головы капюшон, выставив на всеобщее обозрение редкие волосы до плеч, сальные настолько, что не было никакой возможности определить их подлинный цвет. В сочетании с расплывшейся от пота косметикой лохмы превращали неприятное лицо Бетти в отвратительную маску.

Отталкивающая внешность и мерзкий характер делали Ушастую грозой «Четырёх Обезьян», и циркачи боялись её почти так же, как Захариуса.

– Что это за звери? Откуда?

Униформисты испуганно прижались к стенам и выглядели так, словно проглотили языки – все одновременно, и потому Ушастая подозвала к себе усатого Ядоша Тубрича, главного дрессировщика цирка, которому не хватило скорости и умения вовремя спрятаться.

– Ядош!

Лицо несчастного исказила гримаса ужаса, но он сумел скрыть её, поскольку страшной хозяйке ночных гадов нравилось, когда ей улыбались.

– Да, Бетти? – Дрессировщик посмотрел на толстуху и попытался выдавить из себя усмешку. Получилось так себе.

– Ядош, кто пустил в зал эту курицу-переростка?

– Какую... э-э... курицу?

– Ты не видишь?

– Нет, Бетти, не вижу, – жалобно пропищал Тубрич, надеясь, что на этом его мучения завершатся.

– Так подойди и посмотри!

Дрессировщик подчинился, осторожно выглянул из-за кулис, повертел головой и удивлённо поднял брови:

– Это же Дикий Страус!

– Так поймай его, дубина! – вскипела Бетти. – Поймай немедленно!

И по привычке взвизгнула: «Вау!»

* * *

Услышав «Пст!» и увидев, что её зовут какие-то странные существа, Ириска решила, что эти двое – артисты, потому что выглядели они необычно, именно так, как могли бы выглядеть циркачи «Четырёх Обезьян».

Ближе к девочке стоял страус, причем, скорее всего, дикий, ибо ничего домашнего в его облике не наблюдалось. На страусе были надеты широкие, немного драные джинсы с накладными карманами на бёдрах, чёрные кеды и майка с надписью «Птицы рулят!». А ещё он таскал потёртую коричневую сумку на широком ремне через плечо и сейчас придерживал её левым крылом. Компанию страусу составлял невероятно огромный барсук в синей рубашке с закатанными рукавами, коротких красных брюках и красных кедах. Барсук настороженно оглядывался, как будто ждал неприятностей, а страус не отрываясь смотрел на Ириску.

– Пс-с-ст!

– Вы меня? – удивилась девочка.

– Тебя, тебя, – подтвердила странная птица и закивала головой на длинной шее.

– Зачем?

– Надо!

– Я не могу. – Полика как раз ступила на арену, и Ириска собиралась обязательно посмотреть эту часть представления. – Можно потом?

– У тебя билеты неправильные, – прошипел страус и даже лапой притопнул, показывая, как сильно билеты не такие, какими должны быть. – Иди сюда, а то выведу, и ничего не увидишь!

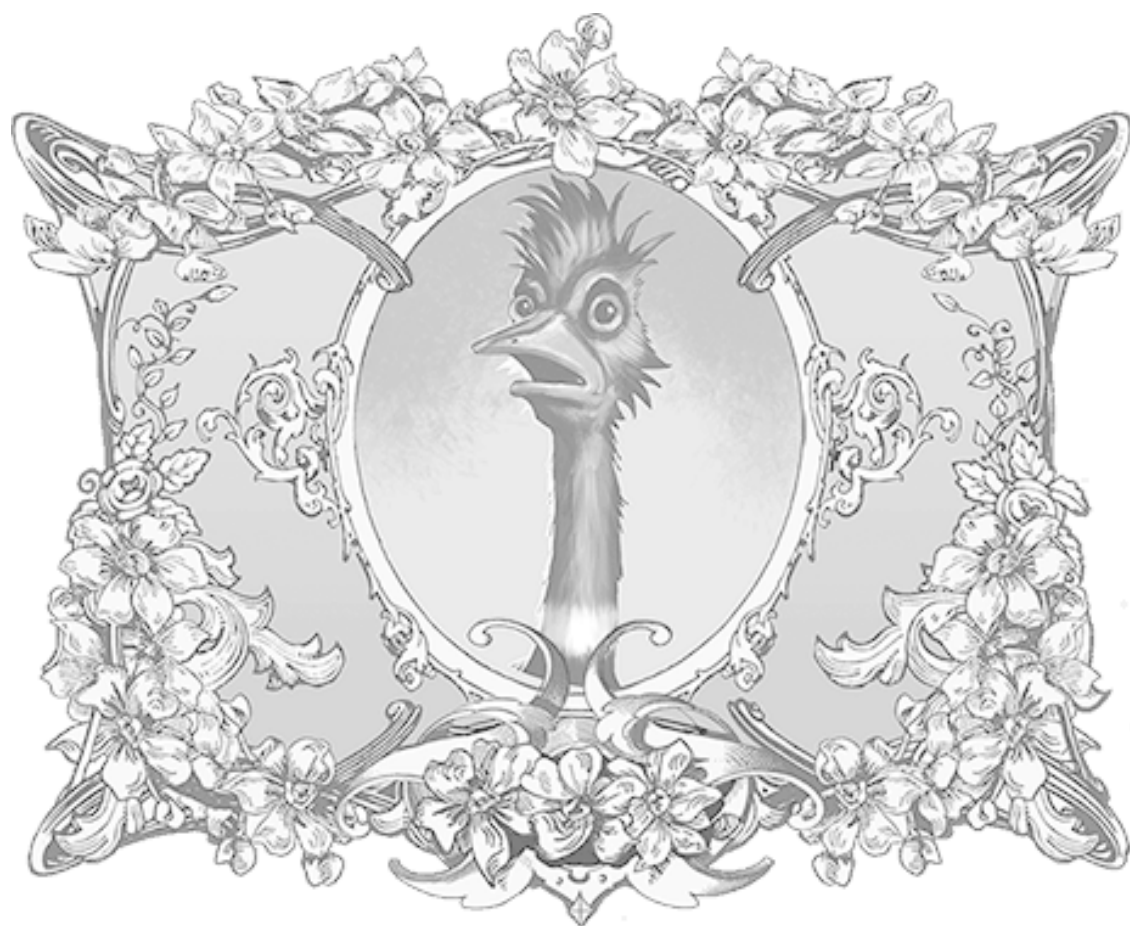
– Прямо сейчас идти?

– Иди сюда, сказал!

Ириска вздохнула, но поняла, что придётся подчиниться. Встала с кресла – нервные Выдриусы тут же попросили «двигаться быстрее» – и подошла к парочке.

– Что случилось?

И сдавленно вскрикнула, поскольку вместо ответа её подхватили, зажали рот и быстро понесли прочь.

Глава III

в которой Полика смотрит на Звезду, Ириска и Хиша убегают от Кияшек, а чёрный маг Захариус Удомо ругается на помощников

– Спасибо, что согласилась принять участие в представлении, – тихо произнёс Захариус, протягивая руку. – Как тебя зовут? – Полика.

– Очень приятно, Полика.

– Мне тоже.

Рука у фокусника оказалась узенькой и влажной, как будто потной, и Полика с трудом удержалась от того, чтобы вытереть ладонь о джинсы. Она не стала этого делать, поскольку поняла, что подобный жест получится невежливым и неуместным.

– Ты храбрая девочка.

– Спасибо.

Услышать такие слова от знаменитого артиста было очень приятно, и потому Полика не стала рассказывать Удомо, что в действительности её вытолкнул на арену шутник Трындель, а сама она очень даже сомневалась, идти или нет.

Вместо этого девочка осведомилась:

– Что я должна буду сделать?

И услышала неожиданное:

– Отвлечь внимание публики, красавица. – Чёрный маг вскинул руку, и зрители послушно разразились аплодисментами. – Каждый фокус – обман, и твоя задача сделать так, чтобы он прошёл без сучка и задоринки.

– Обман?

– Фокус.

– Разве вы не настоящий волшебник? – удивилась Полика.

По лицу Захариуса пробежала злая тень, однако девочка не заметила её в ярком свете ламп и прожекторов. К тому же Полика смотрела в зал, на хлопающих людей, и потому упустила из виду неприятную гримасу.

– Разве папа не говорил тебе, что в цирке не бывает настоящих волшебников?

– Как раз папа всегда говорит, что настоящие волшебники работают в цирке, – ответила Полика, продолжая улыбаться зрителям. Ей нравилось их внимание. – Кстати, а где Джузеппе?

– Скоро появится, – пообещал Удомо.

– Он всегда выходил на парад-алле.

– Сегодня Джузеппе приболел, – сообщил чёрный маг и поднял руку, призывая зал сосредоточиться. – Почтеннейшая публика! Только сегодня и только сейчас эта маленькая храбрая девочка совершит – с моей помощью, разумеется! – настоящее чудо!

Барабаны выдали сладко-тревожную дробь, и в цирке наступила томительная тишина. Все замерли, готовые разразиться восторженными возгласами.

– Ты готова? – шёпотом спросил Захариус.

– Что я должна делать?

– Пока просто стой.

– Где?

– Здесь.

Удомо щёлкнул пальцами, и Полика почувствовала, что поднимается вверх... но не летит, нет, просто из арены под их ногами неожиданно выросла цилиндрическая тумба, выкра-

шенная в яркие цирковые цвета, и через пару секунд девочка и чёрный маг оказались на трёхметровой высоте.

Публика встретила происходящее вялыми аплодисментами, показывая, что такие фокусы уже поднадоели и все с нетерпением ждут обещанного чуда.

– А дальше? – выдавила Полика, продолжая улыбаться зрителям. И чувствуя себя очень глупо.

– Ничего не бойся, – посоветовал Захариус.

– Я и не боюсь!

– Отлично! – Удому вновь обратился к публике: – Замрите!

Тревожная музыка резко прекратилась, оркестр умолк, зрители притихли, и стало слышно, как на «футболке» пищат комары. Такого напряжения это представление ещё не знало.

– Фокус, который я вам покажу, называется «Звезда Забвения»! И дети ваших детей будут рассказывать о нём своим внукам! Обещаю!

А в следующий миг, не дожидаясь очередных аплодисментов или возгласов, чёрный маг вскинул руки и на несколько секунд замер в странной позе: словно отпихивая от себя что-то невидимое. Причём, если судить по напряжённому лицу Удому, это «невидимое» было весьма тяжёлым и не очень приятным. Возможно, плохо пахло.

Но в действительности, конечно, ничего «невидимого» перед ним не было, просто Захариус колдовал, творя одно заклинание за другим и увязывая их в единое волшебное полотно.

Прошла секунда. Потом другая. Третья.

На лбу Удому выступили крупные капли пота, но прежде чем их кто-либо заметил, высоко-высоко, под самым куполом, засветилась маленькая, но необычайно яркая фиолетовая точка. Настолько маленькая, что её увидели только потому, что чёрный маг тянул к светящейся малышке руки.

Точка вспыхнула, засверкала, затем опустилась ниже, став при этом чуть больше. Потом ещё больше – размером с апельсин, потом – с футбольный мяч, и продолжила расти, одновременно снижаясь к замершей на тумбе Полике.

Это и была Звезда Забвения.

Казалось, её соткали языки фиолетового пламени... Казалось, она вот-вот сожжёт «Четыре Обезьяны» безумным колдовским огнём... Казалось, нет спасения от фиолетового жара, но когда Звезда оказался рядом, Полика поняла, что она холодна. Пылала, но не грела. Светила, но не обжигала.

Звезда оказалась обманом, но при этом – необычайно красивым.

– Она прекрасна, правда? – прошептал фокусник.

– Она очаровывает, – признала заворожённая девочка.

– Так и должно быть, – тихонько рассмеялся Удому. – Так и должно быть.

А Полика во все глаза смотрела на яркий, искристый, переливающийся фиолетовым пламенем шар и не понимала, что не может от него оторваться. И никто из зрителей не мог. Раскрыв рты и вытаращив глаза, они бездумно замерли в креслах, готовые просидеть в них вечно, наплевав на все дела и мечты.

Проглотивший мороженое мальчик... семейство Выдриусов... фея Двора Бесподобных... Все зрители...

Все сидели околдованные, потому что...

Звезда Забвения притягивала.

Звезда Забвения поглощала.

Но никто, никто из собравшихся в зале этого не понимал.

– Дотронься до него, – предложил Захариус, когда шар холодного пламени оказался совсем близко от девочки.

– А можно?

– Конечно.

Полика осторожно, готовая в любой момент отступить, протянула руку и погрузила кончики пальцев в переливающиеся языки фиолетового цвета.

– Приятно, правда?

Холод Звезды оказался не страшным и не резким. Фиолетовое пламя можно было сравнить с прозрачной морской водой – прохладной, но освежающей.

От кончиков пальцев холодок пробежал по телу, но принёс лишь весёлые мурашки – сначала, и ощущение свободы, лёгкости и беззаботности – потом.

– Тебе хорошо?

Голос Захариуса звучал как будто из соседней комнаты.

– Очень, – кивнула девочка.

– А теперь произнеси своё имя, – попросил prestidigitator. – Громко!

– Полика!

И колдовской шар вспыхнул настоящей звездой, пронзая фиолетовыми лучами и цирк, и зрителей.

Пронзая всех.

* * *

- Что происходит? – закричала Ириска, увидев зарождающееся сияние.
- Не знаю! – огрызнулся Дикий Страус.
- Не смотри туда! – велел Уди.
- Почему всё фиолетовое?
- Не смотри туда!
- Сам разберусь! – не понял друга Страус.
- Я не тебе!
- Мне страшно!
- Хиша, успокой девчонку!
- Себя успокой!
- Кто это сказал?
- Стоять!

Два кабана в цирковой униформе выросли перед беглецами у самого выхода из шапито. Добродушная медведица, которая продавала билеты и раздавала леденцы, ушла, зрители были внутри, и Страус с Барсуком оказались со здоровяками наедине.

– Стоять!

Тяжёлые и злые кабаны полностью перегородили проход. На их головы были напялены блестящие медные каски, из-под которых торчали массивные «пяточки». Из-под «пяточков» угрожающе выпирали клыки, а над «пяточками» с трудом угадывались маленькие тёмные глазки. Кабаны выглядели внушительно, но бегущий впереди Уди врезал ближайшей свинье могучей лапой, и та, истошно взвизгнув, подлетела, словно кегля, врезалась в напарника, сбила его с ног, и грозные униформисты покатались вдоль рядов, вызывая недовольные возгласы зрителей.

– Ха, ха, ха! – вскричал Дикий Страус так, словно лично уложил врагов.

Хиша с удовольствием остановился бы да вдоволь посмеялся над поверженными кабанами, но Барсук не позволил другу расслабиться.

- Бежим! – И толкнул его на улицу.
- Куда?!
- В лес! Через лагерь! Скорее!

И они побежали в лес, мимо ярких фургонов, из которых на них удивлённо таращились циркачи.

- Куда вы меня несёте?! – завопила опомнившаяся девочка.
- Хватит орать!
- Помогите!
- Почему? – не понял Дикий, безуспешно пытаясь заткнуть Ириске рот.
- Нас могут заметить! – отрезал Барсук.
- Нас уже заметили! – взвизгнул Страус, едва уклонившись от клацинувшей совсем рядом пасти.

От большой и очень зубастой пасти.

От страшной пасти разъярённого бедозавра.

Услышав вопли поверженных кабанов, два зверя перепрыгнули через ограждение загона и бросились на помощь униформистам. К этому моменту Уди и Хиша уже отбежали от шатра «Четырёх Обезьян» и стремглав неслись через задний двор цирка, где стояли фургоны и вагончики артистов, клетки и загоны зверей. Уди и Хиша бежали быстро, но появление бедозавров – пусть и без наездников – спутало им карты.

– Спасите! – завопил Хиша при виде ящеров.

– Спасите! – завопила Ириска по той же причине. И ещё потому, что её похитили. – Спасите меня от всех!

Страшная пасть вновь оказалась рядом, поэтому Страус, продолжая прижимать к себе девочку, предпринял неожиданный ход: плюхнулся на землю, и опасный, но немного неуклюжий бедозавр промчался мимо, шумно топая толстыми когтистыми лапами.

А Хиша вскочил и побежал в противоположную сторону. Но всё равно к опушке леса.

– Пусти меня! – Извиваясь, Ириска отчаянно пыталась высвободиться из объятий Дикого. – Пусти!

– Не мешай!

– Почему?!

– Ты разве не видишь? – изумился Страус. – Тут бедозавр!

– И что?

– Он меня съест!

– И хорошо!

– Нет!!

Ящер повернулся, отыскал взглядом бегущего Хишу и ринулся наперерез. И не просто ринулся, а помчался, словно выпущенное из пушки ядро, неожиданно быстро оказавшись совсем рядом с перепуганной птицей.

– Уди!!! – завопил Страус.

И красно-синий Барсук не подвел.

На него тоже напал бедозавр, однако Уди не растерялся, а, уклонившись от зубастого ящера, ловко вскочил ему на спину и накиннул на голову сдёрнутую с плеч рубашку.

– Ий-у!!

Сначала ослеплённый, потерявший ориентацию бедозавр закрутился на месте, совершенно не понимая, что предпринять, а затем как сумасшедший понёсся вскачь, ломая всё на своём пути и мечтая лишь о том, чтобы избавиться от наглого наездника.

– Ий-ех-уу!!

Ловкий Уди совсем не испугался бешеной скачки. И не растерялся. А увидев, что второй бедозавр мчится за Хишей, ощерив полную клыков пасть, Барсук ухитрился развернуть своего скакуна и направить его на столкновение.

И через секунду после того, как Дикий Страус истошно завопил: «Уди!!!» – зубастые ящеры врезались друг в друга.

Разогнавшиеся, ослеплённые, один – погоней, а второй – чужой рубашкой, они сначала взвыли, потом, рыча, покатались по земле и остановились, лишь сломав вагончик Ушастой Бетти, из которого с визгом вспорхнули летучие мыши, крылоцапы и вопилки. А бедозавры замерли посреди обломков, оглушённые и грязные, с глупым видом озираясь по сторонам.

Барсук же, успевший прыгнуть с ящера перед самым столкновением, вновь толкнул Дикого:

– Скорее!

И беглецы припустили дальше.

– Только не смотри назад! – напомнил Страус.

– Ага.

Хиша не знал, что за странные фиолетовые лучи освещают поляну, но подозревал, что ничего хорошего они не сулят, вот и умолял друга вести себя осторожнее.

– Закрой глаза девчонке! – прорычал Уди.

– Ох!

Дикий вдруг понял, что не позаботился о схваченной фее, и обругал себя так, как давно себя не ругал.

– Закрыл?

– Да!

– Мне страшно! – пролепетала Ириска, на лицо которой легли жёсткие перья страусиного крыла.

– Сейчас, сейчас...

Беглецы углубились в лес, и лишь когда позади осталось достаточно много кустов и деревьев, Хиша позволил им остановиться на короткий отдых.

– Здесь!

Барсук кивнул, упёрся передними лапами в колени и принялся шумно дышать.

Страус тоже кивнул, после чего снял девочку с плеча, поставил её на пенёк, дружелюбно потрепал по разлохматившимся волосам и осведомился:

– Ты почему не защищалась?

– Извините? – не поняла Ириска.

Ей было страшно и непонятно, её потрясло внезапное появление невиданных зверей, похищение и стремительное бегство в тёмный лес. Трясаясь на плече Дикого Страуса, девочка видела и покотившихся вдоль зрительских рядов кабанов, и столкнувшихся бедозавров, один из которых явно собирался её съесть, и почти поверила, что спасения не будет. Она готовилась разрыдаться в голос, но неожиданный вопрос заставил Ириску удивлённо хлопнуть ресницами:

– Что я не сделала?

– Не кричи, нас могут услышать. – Страус нервно огляделся. – Мы всё ещё слишком близко от цирка.

– Если нас услышат, то меня спасут?

– От чего? – не понял Хиша.

– От тебя. – Ириска топнула ногой. – Зачем ты меня похитил?

– Я тебя спас, – растерялся Дикий.

А его друг, невиданных размеров барсук, который уже успел отдышаться после схватки с кабанами и бедозабрами, выразительно покрутил когтем у виска, показывая девочке, как сильно она ошибается. После чего принялся сосредоточенно надевать мятую рубашку.

И, наверное, именно этот жест именно этого зверя – наряженного в красно-синее барсука – успокоил Ириску. Она почувствовала... Не поняла, а именно почувствовала, как чувствовала будущих подружек в новой школе, что рядом с ней друзья. Что ни страус, ни барсук не сделают ей ничего дурного.

И потому следующий вопрос девочка задала совсем другим, спокойным, тоном:

– От чего вы меня спасли?

– Ещё не знаю, – признался Дикий.

– Надеюсь, ты понимаешь, как глупо выглядишь? – поинтересовалась Ириска и тем окончательно смутила шумную птицу. – В общем, так: если вы меня отпустите, я обещаю не рассказывать родителям о вашей выходке, и вас не накажут.

– Мы тебя спасли не «от чего», а «от кого», понятно? – опомнился Хиша. – Мы пока не знаем, что делает Захариус, но это фиолетовое сияние выглядит весьма подозрительно.

– Почему ты не защищалась? – перебил друга Уди. И уставился на девочку так, словно именно она скрывала от друзей тайну Шести Удивительных Сапфиров.

– Да! – поддакнул Хиша, вспомнивший, что его тоже волнует этот вопрос.

Не тайна Сапфиров, конечно – о ней Дикий сейчас не думал, – а почему Ириска ничего не предприняла в зрительном зале.

– Как я могла защищаться, если вы прикинулись циркачами, а потом напали на меня и схватили? – удивилась девочка. – К тому же ты говорил о билетах, и я решила, что ты – контролёр.

– О каких билетах?! – взвился Страус. – Ты что, уснула? Захариус явно колдовал на арене, а ты сидела и смотрела! И даже хлопала!

– И улыбалась, – поддакнул Барсук.

– Я видел!

– Я тоже!

– Почему ты не защищалась?

– Как не защищалась? – Девочка никак не могла взять в толк, чего от неё хотят странные животные. – От кого?

– Не морочь мне голову. – Теперь не выдержал Уди. Он, в отличие от друга, не стал повышать голос, зато легонько коснулся когтем запястья Ириски: – Ты носишь плетение Первого Письма, фея, а такие браслеты не делают ни в подарок, ни на продажу.

– Нас не проведёшь, – подбоченился Дикий. – Мы всё видим и всё подмечаем.

Друзья одновременно улыбнулись, а девочка изумленно уставилась на правую руку, которую действительно украшал трехцветный, бело-сине-красный, нитяной браслетик весьма хитрого плетения. Обычный на первый взгляд браслетик, однако и Страус, и Барсук смотрели на него с огромным уважением.

– Ты сплела его сама, сплела для себя, а значит, ты прошла первую ступень посвящения и ты – Непревзойдённая. Хоть и ученица.

– Ученица Непревзойдённых, – поправил друга Хиша.

– Теперь правильно, – одобрил Уди.

– Какая я? – растерялась Ириска, продолжая недоумённо смотреть на браслет. Казалось, она не могла верить, что видит свою руку и своё украшение.

– Вас учат защищаться от колдовства, – продолжил Страус. – Вот мы и спрашиваем: почему ты ничего не сделала?

– О чём ты сейчас говоришь?

– Проснись, Непревзойдённая!

– Как ты меня назвал?

– Ты ведь Непревзойдённая?

Несколько секунд Дикий и девочка ошарашенно смотрели друг на друга, силясь понять, что происходит, после чего Барсук неуверенно произнёс:

– Она абсолютно точно фея, иначе ей была бы закрыта дорога в Прелесть.

– И она абсолютно точно Непревзойдённая, – твёрдо заявил Страус. – Никто, кроме них, не носит браслеты Первого Письма.

– Но почему она так непонятно себя ведёт?

– Между прочим, невежливо говорить о присутствующих в третьем лице, – сообщила девочка, которая ни слова не поняла из диалога своих то ли друзей, то ли похитителей. Скорее всего, друзей, но странных.

– Невежливо подслушивать, – машинально отозвался Уди.

– Могли бы отойти в сторонку и пошептаться.

– Я...

– Кажется, я понял, – перебил друга Дикий. И перевёл взгляд на Ириску: – Скажи, когда я нёс тебя на плече, ты открывала глаза?

– Конечно! – Вопрос показался девочке глупым: что ж она, трусиха, что ли, чтобы жмуриться в такой момент?

– Смотрела назад?

– Цирк был такой забавный, – улыбнулась Ириска. – Весь фиолетовый, как будто я надела очки с такими стёклами, через которые всё делается другого цвета. Я такие видела, только у меня их нет. А что?

Однако ответа не последовало.

– Теперь ты понимаешь, почему главный номер представления называется «Звезда Забвения»? – уныло осведомился Хиша.

– Теперь я понимаю, что эта девочка не сможет нам помочь, – не менее уныло ответил Уди.

– Но она – первая Непревзойдённая, которую мы встретили за три месяца, – напомнил Страус. – И я догадываюсь, куда подевались остальные.

– Куда?

– Вот они!

– Кияшки!

Увлёкшись разговором, Уди и Хиша совершенно позабыли о врагах и теперь с ужасом поняли, что их почти поймали: со всех сторон слышался хруст веток, шуршание травы и виднелись похожие друг на друга крепыши в голубеньких трико.

– Это силачи из цирка! – зачем-то крикнула Ириска. – Я видела их на арене.

– Окружайте! – громко приказал главный Кияшко, и друзья поняли, что влипли.

Время, которое они потратили на разговор, убивало их.

– Бежим! – закричала Ириска, которая по одному лишь внешнему виду силачей поняла, что лучше быть с Барсуком, чем с этими громоздкими созданиями, чьи сплюснутые физиономии скрывались под безликими масками. – Бежим!

Дикий Страус сделал шаг, но тут же замер, понимая, что деваться, в сущности, некуда, что, куда бы он ни побежал, обязательно наткнётся на врагов. Дикий Страус остановился от

безысходности, от отчаяния, и тогда Уди поступил так, как мог поступить лишь настоящий друг.

– Я их задержу!

– Бежим! – повторила испуганная девочка, и Хиша понял, что обязан принять помощь Барсука.

– Помоги Непревзойдённой вспомнить, – попросил красно-синий, разминая мощные лапы. – Сделай так, чтобы всё это было не зря.

– Уди... – простонал Дикий.

Он знал, чем всё закончится. Слышал улюлюканье приближающихся Кияшек и знал. И больше всего на свете хотел, чтобы происходящее оказалось сном. Пусть кошмарным, от которого появляется холодный пот, но сном.

Чтобы можно было открыть глаза и узнать, что в действительности ничего страшного не произошло.

– Уходите, – велел Уди. И улыбнулся: – Это будет хорошая драка.

Повернулся и вразвалочку направился навстречу врагам.

А Страус вновь забросил Ириску на плечо и кинулся прочь.

– А как же Барсук? – спросила девочка, с замиранием сердца глядя на то, как лохматый здоровяк преграждает дорогу силачам.

– Он нас догонит, – срывающимся голосом пообещал Хиша. – Он нас обязательно догонит...

* * *

– Сначала я решил, что мне показалось, – громко произнёс Захариус, высокомерно разглядывая помощников. – Я поверить не мог, что вы все или кто-то один из вас, бездарных бездельников, осмелится испортить мой главный номер. Я даже представить такого не мог!

Помощники низко опустили головы и старались не дышать, изредка бросая на колдуна взгляды исподлобья: кто-то боязливые, кто-то заискивающие. Они знали, что наломали дров, и теперь каждый пытался придумать, как переложить вину на остальных.

– Сразу после представления я собирался наказать всех, – угрожающе продолжил Удомо, и все затаили дыхание, потому что знали, каким жестоким бывает чёрный маг, если его разозлить. – Но теперь я решил разобраться в случившемся. Докопаться, так сказать, до сути.

Перед Захариусом стояли главные подручные: Ушастая Бетти – с независимым видом ни в чём не виноватого человека; шпрыхшталмейстер Трындель, чья рыжая шерсть, кажется, полиняла от испуга; дрессировщик Ядош Тубрич – его франтовские усики, обычно загнутые вверх, сейчас уныло указывали на землю; Нелепый Марчелло в нелепом костюме – известный клоун; и старший Кияшко, предводитель цирковых силачей. И все они боялись, но особенный страх вызывал у них тот факт, что Захариус устроил встречу не в своём фургоне, самом большем в цирковом караване, а у клетки с тиграми-людоедами, которые весьма оживились при появлении неожиданных посетителей и принялись многозначительно облизываться, намекая, как именно Удомо должен наказать нерадивых помощников.

– Я хочу знать, что за переполох возник во время Звезды Забвения?

– Переполох? – притворно удивился Нелепый Марчелло. – Разве был переполох? Я не видел. Я вообще ни при чём.

Когда пахло жареным, Марчелло ссылаясь на плохое зрение, плохой слух или то, что его не было поблизости. А в самых опасных ситуациях клоун начинал говорить на непонятном языке и делал вид, что абсолютно не понимает происходящего.

– Ты всё видел, – проворчал Трындель.

– Ничего не видел, – отрезал Нелепый. – По арене лошади скакали, у меня в глазах мельтешило, наверное, из-за этого я ничего не видел и не слышал тоже. А что случилось?

– Или тебе красный нос помешал, – ядовито добавил усатый Ядош.

– Ась? – Марчелло приложил к уху ладонь и сделал непонимающее лицо. – Кому перекувыркнуться?

Он потому и стал клоуном, что мог долго изображать дурака.

– Во время вашего номера я увидела в зрительном зале посторонних животных, – произнесла Ушастая, которая поняла, что кто-то должен начать рассказ.

– Обыкновенных? – немедленно уточнил Захариус.

– Нет, то были Прелестные животные. – Бетти прищурилась. – Я велела Ядошу их прогнать.

– А я сразу понял, что это враждебные звери, и позвал старшую Кияшку, – попытался переложить с себя ответственность усатый дрессировщик.

– Старшего Кияшко! – рявкнул главный силач.

– А я как сказал?

– Тупица.

– Идиот.

– Я хотя бы своё имя говорю правильно.

– И ничего больше.

– Ты сейчас доиграешься, усатый.

– А ты уже доигрался, жирный.

Присутствующие не сумели сдержать улыбки.

Внешний вид Кияшки действительно был трагическим. Бравый здоровяк, слепленный из огромных бугристых мышц, передвигался с трудом, прихрамывая и тихонечко охая. Его правая рука покоилась на перевязи, а маленькое лицо, в основном состоящее из нижней челюсти,

украшали синяки и ссадины. Со стороны могло показаться, что старший Кияшко угодил под цирковой трактор, на который во время путешествий грузили шатёр со всеми креплениями, но в действительности всё это были последствия встречи с Барсуком.

– Ты меня не сразу позвал, – огрызнулся силач.

– Сначала беглецов пытались поймать кабаны-униформисты, но их побили, – уточнила Ушастая. – Потом на них напали бедозавры...

– Это я их натравил, – подбочился Ядош, решивший продемонстрировать хозяину молодецкую удаль.

Как выяснилось через секунду – напрасно.

– С бедозаврами они тоже справились, – с издёвкой закончила Бетти. – Столкнули их лбами и сломали мой домик.

– Он оказался на пути!

– Ты мне за него заплатишь!

Усатый дрессировщик помрачнел.

– И тогда побежали мы, – вздохнул Кияшко. – Догнали в лесу, стали окружать, но не успели. А потом выяснилось, что среди беглецов оказался Боевой Барсук красно-синих.

В обычное время помощники охотно посмеялись бы над побитым силачом, выставляя его перед хозяином в дурном свете, однако сейчас ограничились улыбками.

Боевые Барсуки помогали воинам Прелести на Закатном Рубеже – границе с тёмной Плесенью, и появление красно-синего должно было насторожить колдуна. И насторожило, заставив прищуриться и помолчать.

– Кто был вторым? – хмуро спросил Удомо после паузы.

– Дикий Страус.

– Хиша?

– Да.

Появление красно-синего и его бой с силачами не особенно напугали чёрного мага: воинов он не опасался. А вот хитрый Страус давно выводил Захариуса из себя.

– Что Хиша делал в моём цирке?

– Мы не знаем, – развёл передними лапами рыжий Трындель.

– Они унесли из зала девчонку, – сообщила Ушастая.

– Что?! – вытаращился Удомо.

– Там была фея.

– Там было много фей, – резанул пришедший в себя Захариус. – Я видел в зале Ярких, Изумительных и Бесподобных. Но все они оставались на своих местах до конца представления и все потеряли память... – Он вдруг замолчал и снова спросил: – Когда Дикий Страус увёл фею?

– До появления Звезды, – вздохнула Бетти. И на всякий случай сделала маленький шаг назад.

Тигры-людоеды заинтересованно посмотрели на чёрного мага – почувствовали, что Удомо вне себя и сейчас, возможно, кто-то из его помощников отправится к ним на ужин.

– Полика – та Непревзойдённая, из-за которой мы притащились в эту дыру и которую я вызвал на арену, – осталась в Прелести, – очень тихо, хотя на самом деле он пребывал в неопишемом бешенстве, произнёс Захариус. – Она до сих пор здесь.

Перепуганные помощники мечтали об одном – сделаться невидимыми.

– Звезда Забвения навсегда выбросила в мир людей всех фей, которые сидели в зале: и Ярких, и Бесподобных, и Изумительных... Все они позабыли о Прелести и никогда больше сюда не вернутся. Полика тоже потеряла память, но осталась. Почему?

– Я не знаю, – жалко отозвался Кияшко.

Нелепый Марчелло втянул голову в плечи. Ядош Тубрич закусил губу.

– Что-то её удержало, – пропищал Трындель.

– Ученица, – выдохнула Ушастая, прежде чем гнев Удомо обрушился на шпрыхсталмейстера. Бетти спасла орангутана не по доброте душевной, а потому что знала, что закусивший удила Захариус накажет всех.

– Что? – переспросил колдун.

– У Полики была ученица, – объяснила повелительница летучих мышей и прочих гадов. – Они вошли в Прелесть, воспользовавшись одним Самоцветным Ключом, а поскольку ученица, видимо, всё ещё здесь, то и сама Непревзойдённая не может покинуть Прелесть.

– В зале была ещё одна Непревзойдённая, – с умным видом заявил Марчелло. – Только ради неё Уди пожертвовал бы собой.

И тут же получил затрещину. Однако смотрел Захариус не на покотившегося по земле клоуна, не на съёжившихся помощников, а на Ушастую:

– Ты хочешь сказать, что по моему миру разгуливает ещё одна Непревзойдённая?

– Мы её найдём! – замирая от страха, пообещала Бетти.

– Я приложил массу усилий, чтобы изгнать Непревзойдённых из Прелести. Полика была последней, – прошипел чёрный маг. В этот момент он больше всего на свете напоминал разозлённую змею, готовую убить кого угодно. – Если хоть одна из них вернётся в Прелесть, мой план рухнет.

– Я знаю, – пролепетала Ушастая.

– Так поймайте её! – завопил Удомо и в ярости затопал ногами, страстно желая кого-нибудь убить. Помощники бросились врассыпную, а тигры-людоеды запрыгали в клетках, стуча по прутьям тяжёлыми лапами. – Поймайте! Поймайте! Поймайте!!

Глава IV

в которой Ириска расспрашивает Хишу обо всём на свете

– Как мы смогли убежать? – тихо спросила девочка, с содроганием вспоминая случившееся в лесу. А именно – тот ужасный миг, когда из-за кустов и деревьев выскочили злобные силачи. Тогда маленькая фея закричала, а Дикий Страус вновь подхватил её на плечо и бросился прочь, спасаясь от жестокой расправы. И девочка, несмотря на то что ей было очень-очень страшно, успела увидеть, как храбро атаковал оставшийся позади Барсук многочисленных Кияшек, толстых и неповоротливых, словно бурдюки. Первого врага Уди отбросил легко, играючи, но остальные набросились на Барсука скопом, разлетелись от его ударов, зарычали, завизжали, пошли в повторную атаку, и вскоре красно-синий воин скрылся под их сальными телесами.

Схватка превратилась в свалку, из которой то и дело вылетали побитые силачи.

А ещё девочка увидела, что далеко не все трусливые Кияшки рискнули сразиться с Уди, что некоторые из них обежали Боевого Барсука по широкой дуге и продолжили преследовать их с Хишей. И бежали толстые силачи, несмотря на размеры и неповоротливость, довольно шустро. Кияшки, как танки, проламывались сквозь кусты и ветви, злобно подвывали от полученных царапин и громко кричали, приказывая Дикому остановиться. А поскольку те же самые деревья и кусты не позволяли Страусу развить привычную скорость, Кияшки приближались. Хрустели сломанными ветками, хрипели совсем рядом, и в какой-то момент Ириска с отвращением ощутила их противное, зловонное дыхание. А ещё – увидела толстую руку со скрюченными пальцами, которая тянулась прямо к ней.

Увидела и снова закричала от страха. И закрыла глаза, не желая видеть этих омерзительных существ... А когда открыла – рядом не было ни леса, ни злобных силачей, ни их растопыренных лап. Только поле, высокий берег и широкая река, неспешно несущая воды куда-то на юг. Беглецов мягко обдувал приятный лёгкий ветерок, а солнце неотвратимо опускалось за далёкий лес, готовясь отдать мир во власть тёмной ночи.

Дикий снял Ириску с плеча, постоял немного, наклонившись и шумно дыша, а затем упал на траву клювом вверх, широко раскинул крылья и сообщил равнодушному небу:

– Устал.

– Как мы смогли убежать? – переспросила девочка.

– Я колдовал, – просто ответил Хиша. И тут же сварливо добавил: – Потому что кое-кто другой не стал этого делать. Врождённая вежливость не позволяет мне прямо сказать, о ком идёт речь, но все, конечно, понимают, что я намекаю на одну белокурую фею, которая совершенно мне не помогает.

– Как ты колдовал? – поинтересовалась Ириска, решив пока не обращать внимания на нахальное замечание чересчур говорливой птицы. То есть не ставить спутника на место, потому что он может обидеться и вообще замолчать.

А Ириске надо было понять, что происходит.

– Как колдовал? Да как обычно, – горделиво ответил Страус. – Ничего нового тут не придумаешь: накапливаешь силу, читаешь заклинание и получаешь результат. Если бы ты прилежнее обучалась магическим наукам, а не проводила всё свободное время в ПрелеСети и Щебетаниях, то знала бы о Волшебстве гораздо больше меня.

Болтать у Дикого получалось отменно, лучше всего на свете, но его трескотня, в которой то и дело мелькали непонятные слова, ничего не объясняла, и девочке пришлось задать уточняющий вопрос:

– Что именно ты сделал? Как нам удалось удрать?

– Я использовал очень сильное, доступное только великим волшебникам заклинание «Шаг за сто», – сообщил Хиша, но по выражению на его физиономии стало понятно, что насчёт «великого» Страус приврал. А чтобы маленькая собеседница не заподозрила его во лжи, хватушка мгновенно пустился в нудные уточнения: – Это когда каждый твой шаг по расстоянию превращается в сто шагов, и ты бежишь быстрее самого быстрого страуса в мире, то есть я стал бежать в сто раз быстрее самого себя, но счёл это недостаточным и добавил к «Шагу за сто» ещё и «Двигайся впятеро», чтобы стать быстрее в пять раз и вместо одного шага получалось пятьсот.

– Я понимаю, что означает фраза: «Стать быстрее в пять раз», – перебила Хишу девочка.

Точнее, хотела перебить, но не получилось, потому что Страус даже не чихнул в ответ. А может, он и правда не услышал замечания за собственной трескотнёй.

– И вот получилось, что, делая один шаг, я на самом деле делал пятьсот, и поэтому ни одна Кияшка не могла даже мечтать за мной угнаться. Хотя, если честно, и без всякой магии никто в мире не способен сравниться в скорости с настоящим Диким Страусом. Нас даже хотели назвать Бегучими Страусами, но мы отказались, потому что наше племя испокон веков прозывалось Диким, и...

– А ты вообще настоящий?!

На этот раз девочка повысила голос, и попытка перебить болтливую птицу удалась.

– Ещё какой! – подбоченился Хиша.

– Поэтому они хотели тебя поймать?

Ириска была хитрой и решила сразу выяснить, как именно её новый знакомый относится к циркачам и почему.

– Они хотели меня поймать, потому что я терпеть не могу Захариуса и однажды вылил ему на голову кастрюлю орехового супа, – хихикнул Страус. – Получилось смешно, но с тех пор я от него бегаю.

– Горохового супа, – поправила птицу девочка.

– Орехового, – поправила девочку птица.

– Никогда не слышала.

– Ты просто не помнишь.

– А ты мне врешь.

Дикий удивлённо встопорщил на голове перья:

– Не слишком ли ты умна для своего возраста?

– Может, ты и правда вылил на Захариуса ореховый суп, но гнался он за тобой не поэтому, – твёрдо произнесла девочка. – Я не маленькая, меня не обманешь.

В ответ Хиша почесал под клювом и гордо сообщил:

– Он гнался, потому что Дикие Страусы – самые непримиримые мафтаны Прелести. И мы никому не позволим погубить наш мир.

– Кто?! – изумилась Ириска. – Кафтаны?

– Мафтаны, другими словами – Прелестные Животные. – Хиша помолчал, внимательно глядя на девочку большими красивыми глазами, и поинтересовался: – Ты действительно ничего не помнишь?

– Я даже не знаю, где нахожусь.

– В Прелести.

– Где?

– В Прелести.

Второй подряд одинаковый ответ не добавил ничего нового, и девочка решила уточнить:

– Далеко от посёлка?

Ириска помнила, как долго бежал Страус от преследователей, и, узнав, что каждый его шаг равнялся пяти сотням, боялась даже представить, куда их занесло. И как она будет возвращаться.

– Твой посёлок находится в этом же конце света, но другого мира, – непринуждённо сообщил Хиша.

Но в итоге всё запутал.

– Что ты сейчас сказал? – прищурилась Ириска.

– Попытался объяснить, – развёл крыльями Дикий.

– Я тебя не поняла.

– Это потому, что ты человек, а я – птица.

– Но ведь мы говорим на одном языке.

– Зато думаем разными головами.

– Э-э... – В этих словах таился определённый смысл: пернатая голова Хиши и в самом деле существенно отличалась от головы девочки, однако Ириска уже знала, что важно не то, как выглядит голова, а то, что у неё внутри, и громко заявила: – Когда я говорю с сестрой, мы тоже думаем разными головами, но при этом понимаем друг друга.

– Потому что у вас, у людей, всё по-другому, чем у страусов.

– Верно.

– Без тебя знаю.

Ириска хотела ещё раз сказать, что ничего не поняла, и продолжить уточнения, однако в страусиной голове что-то щёлкнуло – направо и вверх от клюва, – и Хиша вернулся к предыдущей теме:

– На самом деле циркачи Захариуса гнались не столько за мной, сколько за тобой, только они этого не понимали.

– Как можно гнаться не столько за одним, сколько за другим, да ещё и не понимая, что делаешь? – удивилась Ириска.

– Ну... – Дикий собрался было устроить очередное пустословное выступление, полное самолюбования и самообожания, однако внезапно стал серьёзен, как будто понял, что пришла пора: – Кияшки хотели поймать нас с Уди, но если бы Удомо знал, кого я спасаю, он бы отправил в погоню весь цирк.

– Ты спасал меня, – прошептала Ириска.

– Совершенно верно.

Девочка хотела знать почему. Чем она так важна или в чём провинилась перед могущественным чёрным магом, но вдруг поняла, что сначала необходимо задать совсем другой вопрос.

Очень-очень важный.

И задала:

– Почему ты не заколдовал Уди в «Шаг на сто»?

Ириска догадалась, что красно-синий был близким другом Дикого, и не могла не выяснить, почему Хиша оставил Боевого Барсука в лесу. Одного против толпы жестоких Кияшек.

– Я потратил много сил, чтобы незаметно пройти в цирк, – очень грустно ответил Страус, глядя на появляющиеся звёзды. Одна из них, самая большая, оказалась настолько яркой, что ослепила Дикого, и его глаза заблестели. – Я не смог бы спасти всех. Я не настолько хороший волшебник.

– А Уди?

– Он вообще не был волшебником. Боевые Барсуки – воины, они не знают Волшебства.

– Жаль, – очень-очень тихо сказала девочка.

– Он нас догонит. – Дикий отвернулся и быстрым жестом поднёс и тут же убрал от глаз правое крыло. – Он нас обязательно догонит.

И бросил в костёр пару веточек. Пламя приняло их с благодарностью и стало ярче.

Хиша бежал от Кияшек до тех пор, пока не кончилось действие заклинания, но бежал без оглядки, только для того, чтобы убежать, и теперь не мог с уверенностью сказать, насколько далеко они от цирка. А телефон, в который было загружено навигационное приложение, включать запретил, сказав, что их могут вычислить через ПрелеСеть.

Что такое ПрелеСеть, Ириска не знала, но спорить со Страусом не стала, разумно рассудив, что, пока всё не прояснится, нужно слушаться проводника.

Из цирка они вырвались поздним вечером, пока бежали, а потом отдыхали – наступила ночь, нужно было подумать о привале, однако проситься на постой к фермерам Дикий не стал, сказал, что опасно и лучше посидеть у костра. Ириска приготовилась спать на земле, но, пройдя по высокому берегу, беглецы обнаружили на опушке небольшой рощи лёгкую кибитку, и вопрос с ночлегом таким образом решился.

Что маленький фургончик делал у деревьев, никто не знал: то ли его забыли, то ли дети притащили для игр, но кибитка оказалась весьма кстати, даже несмотря на то, что время и непогода изрядно потрепали парусину тента и в некоторых местах она прохудилась до дыр – внутри беглецы обнаружили охапку сена и пару старых одеял, в одно из которых Страус тут же закутал девочку.

Затем Хиша насобирав хвороста, развёл бездымный костерок, разогрел извлечённую из сумки банку фасоли в томатном соусе, покормил Ириску, показал, как правильно закапываться в сено, и предложил поспать.

В ответ услышал категорический отказ.

С одной стороны, девочка устала и глаза её слипались. С другой – события и переживания насыщенного дня мешали Ириске уснуть, она хотела задать десять тысяч миллионов вопросов и услышать честные ответы, она хотела знать всё и сразу. Поэтому в кибитку девочка не пошла, осталась у костра и продолжила теревить спутника:

– Как ты стал колдуном?

– Так же, как ты, – флегматично ответил Дикий. – Я таким родился.

– Разве я колдунья? – изумилась Ириска.

– Фея, – уточнил Хиша.

– Я умею колдовать?

– Все умеют, и ты должна.

Девочка попробовала заглянуть внутрь себя в поисках чего-нибудь волшебного, не нашла и недоверчиво прищурилась:

– А как это – колдовать?

– Для тебя – так же легко, как дышать.

Ириска послушно попробовала сделать что-нибудь так же естественно, как набрать полный рот воздуха, но только покраснела от натуги и, посидев с надутыми щеками несколько секунд, шумно выдохнула и покачала головой:

– Не могу.

– Не можешь или не помнишь? – уточнил Хиша.

– Не знаю. – Девочка посмотрела на браслет. – Иногда мне кажется, что я понимаю, о чём ты говоришь, и знаю, как разбудить силу, которая, наверное, прячется внутри меня.

– И? – Страус затаил дыхание.

– Но когда задумываюсь, эти ощущения исчезают, и я снова становлюсь обычной девочкой.

– Главное, что эти ощущения появляются, – серьёзно произнёс Хиша. – Это значит, что Удому украл не всю твою память и ты, возможно, снова станешь Непревзойдённой.

– Какой?

– Непревзойдённой.

Ириска уже несколько раз слышала от Страуса это название и решила, что пришло время узнать, что оно означает.

– Объясни.

– Так называется твой Двор, фея, – Двор Непревзойдённых, – с уважением ответил Дикий.

– Что это значит? – не унималась девочка.

– Это значит... Это значит... – Хиша явно затруднялся с ответом. Он нахмурился, чуть приподнялся с бревна, на котором сидел последние несколько минут, придирчиво оглядел девочку и осведомился: – Почему на тебе нет Самоцветного Ключа?

– А где он должен быть и что это такое?

– Как правило, его носят на цепочке на шее. Иногда – на браслете. Иногда – как серёжку, в ухе. Но чаще всего – на шее, потому что обычно Ключ довольно большой. Это ведь на самом деле самоцветный камень.

– Что он делает?

– Открывает дверь в Прелесть, позволяя феям пройти из одного мира в другой. – Страус пригладил встопорщившиеся перья. – Но на тебе его нет.

– То есть и меня здесь нет?

– Это была шутка?

– Она тебе понравилась?

– Нет.

– Это была замечательная, очень смешная шутка.

Страус щёлкнул клювом, возможно, он так улыбался, и покачал головой:

– Ты могла пройти в Прелесть по одному Ключу с другой феей... В цирке была ещё одна Непревзойдённая?

Ириска задумалась, припоминая такие недавние и такие далёкие события прошедшего вечера, и неуверенно произнесла:

– Вроде мы отправились на представление с сестрой.

События немного путались, как будто кто-то смешал воспоминания в миксере, но Ириске показалось, что она не ошиблась.

– Со старшей сестрой? – тут же спросил Страус.

– Да.

– Она тоже Непревзойдённая?

– Я... Я не знаю.

Если обычные воспоминания были смешаны, то на те из них, что относились к Прелести и Волшебству, был дополнительно наброшен густой туман, делающий их тусклыми и почти неразличимыми. Однако Ириска была упряма, и ей удалось вспомнить важную деталь:

– Полика носит точно такой же браслет. – И показала на свой, трёхцветный, казавшийся таким простеньким и совершенно ненарядным.

– Плетение Первого Письма, – кивнул Страус. – Твоя старшая сестра – Непревзойдённая.

– Тоже фея?

– Конечно.

Ответ утешил Ириску, потому что ей очень не хотелось, чтобы она, допустим, оказалась феей, а Полика, допустим, нет. Потому что в этом случае – без всяких «допустим» – между ними случилась бы крупная ссора.

– Где вы расстались?

– Полика вышла на арену.

– Её позвал Удомо?

– Да.

– Вот за ней-то он и охотился! – догадался Хиша. Первые подозрения появились у Дикого ещё во время бегства, однако окончательно мозаика сложилась только сейчас, когда он узнал, что колдун вызвал на арену Непревзойдённую. – Вот зачем ему нужен был цирк «Четырёх Обезьян»: Джузеппе – лучший друг фей, они ему полностью доверяют и потому не реагировали на колдовство в зале! Вот в чём дело! – Страус так разволновался, что вскочил и забегал вдоль кибитки, от колеса которой за ним внимательно наблюдала закутанная в одеяло девочка. – Захариус захватил цирк и стал гастролировать по Прелести, устраивая представления там, где находил Непревзойдённых. Вот почему он оказался в вашей дыре, куда, говоря откровенно, даже распространитель пресноводных недорослей постеснялся бы приехать!

– Недорослей чего? – попыталась уточнить ошарашенная Ириска, но вновь не была услышана.

– Удому вызвал твою сестру на арену и отнял у неё память!

– Она всё забыла?! – Девочка закричала так, что Дикий вздрогнул. Помедлил, понял причину охватившего фею ужаса и добавил:

– Нет, не всё... Наверное.

– Уф-ф...

– Ты, например, почти забыла только то, что связано с Прелестью.

– Но я стараюсь вспомнить!

– Но ты была далеко от Звезды, а твоя сестра – рядом, – продолжил Страус, не обратив внимания на восклицание Ириски. – И она полностью забыла Прелесть.

– Мир, который нас окружает?

– Да.

– Невелика потеря.

На самом деле девочка так не думала, просто она испугалась за сестру и пыталась храбриться. Однако Дикий отнёсся к её словам очень серьёзно.

– Ты так сказала только потому, что сама не помнишь Прелесть.

– И что?

Несколько мгновений Хиша с грустью смотрел на Ириску, а затем спросил:

– Неужели тебе совсем не хочется быть волшебницей?

– За которой гоняется злой колдун?

– Да.

– Не хочется. – Девочка была маленькой, но не глупой и знала, что от плохих людей нужно держаться подальше. – Я не помню эту войну и не хочу в ней участвовать.

– А придётся, – пообещал Дикий.

– Почему?

– Потому что ты – Непревзойдённая. Даже маленькая, даже потерявшая память, ты всё равно Непревзойдённая. Потому что это вы победили королеву Гнил в великой битве у Бесмертного водопада. Потому что я уже три месяца не встречал других Непревзойдённых, и если ты сдашься, то Двор исчезнет, а без тебя и твоих подруг Прелесть перестанет быть Прелестью. Но ты не сдашься, потому что ты – Непревзойдённая. Это очень громкий титул, Ириска, который даёт много, но требует ещё больше, требует быть по-настоящему непревзойдённой. Но раз у тебя получилось сплести браслет Первого Письма, значит, ты – такая.

Длинная речь прозвучала с необыкновенной серьёзностью, но пока, увы, за этими словами Ириска ничего не видела.

– Я не помню, – вздохнула девочка.

– И самое главное, Ириска, – Страус провёл правым крылом по волосам маленькой феи, – вы с сестрой вошли в Прелесть с помощью одного Самоцветного Ключа, а он работает очень строго и выпускает только тех, кто входил, и только вместе. Позабыв Прелесть, Полика не покинула её, как должна была, а осталась в цирке. И сейчас ждёт тебя.

– Моя сестра в плену?

– Увы.

Хиша подтвердил это печальным кивком.

На глазах Ириски выступили слёзы.

Глава V

в которой Полика оказывается в темнице «Четырёх Обезьян» и встречает Захариуса Удомо

– За что вы так со мной? Что происходит? Это похищение? Что вы делаете? Откройте! Откройте!! Полика в последний раз пнула крепкую деревянную дверь, которая преграждала ей путь к свободе, потом пнула ещё раз, совсем в последний, тяжело вздохнула и медленно опустилась на охапку соломы, что валялась у дальней стены узкой темницы.

Девочка не понимала, что происходит, и поэтому ей было страшно вдвойне.

Не понимала и не могла объяснить...

Взять, к примеру, цирк.

Полика совсем не помнила, как оказалась в том ярком шапито. Кажется, они отправились на представление с родителями и сестрой, но поклясться в этом девочка не могла, поскольку прошлое скрывалось в глухом тумане беспомысленности, из которого изредка прорывались путанные обрывки: медведица в очках, уса́тый мороженщик, фиолетовая звезда...

И потом: откуда взялся цирк? Не мог же он приехать в их тихий уголок на гастроли? Не мог, потому что посёлок был довольно маленьким и бродячие артисты им никогда не интересовались. Получается, они всей семьёй отправились на представление в Москву? Но дорогу Полика тоже не помнила, хотя должна была. Зато вместо дороги почему-то всплывали образы велосипеда и «футболки».

К чему?

Откуда?

А самым ярким и отчётливым воспоминанием последних часов стала захлопнувшаяся перед носом дверь, скрежет ключа в замке и демонический хохот:

– Сиди здесь, дурочка, жди, когда хозяин решит, что с тобой делать!

И это же воспоминание было самым свежим.

В темницу её втащило, а потом хохотало за дверью неприятное, громоздкое, но очень сильное существо, чью маленькую голову полностью закрывала маска с прорезями для глаз. В деталях Полика разглядела существо только сейчас, через зарешечённое окошко в верхней части двери, и поймала себя на мысли, что плохо помнит сам процесс «втаскивания» её в камеру, а главное – с чего всё началось?

Почему её заперли?

Почему с её рук грубо сорвали все браслеты?

По какому праву?!

Существо же никак не походило на полицейского: бугристое от здоровенных мышц, сильное, затянутое в голубенькое трико, а не в форму блюстителя порядка, оно скорее напоминало безмозглого мутанта из комиксов, чем человека.

И кто такой «хозяин»?!

Вопросы не давали покоя и требовали точных ответов. Вопросы заставляли возмущаться, поэтому, оказавшись в камере, первые пять минут девочка громко колотила в деревянную, но крепкую, обитую железом дверь и кричала. Потом опустилась на охапку соломы, и... Нет, не расплакалась, для этого Полика была слишком сильной. Расположившись на соломе, девочка медленно досчитала до ста, что позволило ей немного успокоиться, и задумалась.

Итак, отправившись в цирк, она совершенно непонятным образом оказалась в плену у странного злобного существа в обтягивающем трико и маске, а точнее – у его таинственного хозяина. У неё отобрали телефон и каким-то образом заставили позабыть события последних часов.

«Может, они пустили в цирк усыпляющий газ?»

Подозрение показалось глупым, однако отказываться от него девочка не стала. Запомнила и продолжила размышлять.

Сейчас она одна, но у неё совершенно точно есть папа и мама. Они не бросят, обязательно станут её искать и найдут. И тогда всё станет так, как было раньше...

– Ну, что, наревелась?

Задумавшись, Полика не услышала шагов подкравшегося к двери здоровяка и вздрогнула от неожиданности, вызвав очередную вспышку хохота.

Но тут же взяла себя в руки.

– Я не редела, – с достоинством ответила девочка, глядя в появившийся за решёткой глаз. Так же как голова, глазки у здоровяка были маленькими, свинячьими.

– Да, я слышал: ты не редела, ты орала. – Охранник помолчал, ожидая ответа на своё нахальное заявление и готовясь вновь смеяться над бессильной злостью пленницы, не дождался и осведомился: – Драться будешь?

– С кем?

– Шутим, значит? Это хорошо, раз шутишь, значит, успокоилась. – Он вставил ключ в замок, со скрежетом повернул его и распахнул дверь: – Пошли.

– Далеко? – поинтересовалась девочка, даже не обозначив попытки подняться с соломы.

– Ты не в том положении, чтобы спрашивать, – хмыкнул охранник. – Но я отвечаю: тебя зовёт хозяин. И не советую его злить – хозяин страшен в гневе.

Несколько секунд Полика пыталась придумать достойный ответ: в меру дерзкий и обязательно остроумный, поняла, что ничего подходящего не придумывается, молча поднялась на ноги и, миновав короткий коридорчик, оказалась на улице.

Точнее – посреди разбившего лагерь бродячего цирка.

Выяснилось, что её темница находится внутри большого, ярко раскрашенного фургона – никогда не подумаешь, что он предназначен для пленников, – а вокруг стояли другие, поменьше и побольше, покрытые надписями, узорами и рисунками; и строгие, выкрашенные одной краской, спокойные; фургоны обыкновенные, не очень большие, и двухэтажные, широкие, с раскладывающимися навесами и даже площадками на крышах, на которых размещались кресла и диваны. А ещё дальше виднелись клетки с животными... А слева репетировал оркестр! И спорили о чём-то клоуны у костра.

И вдруг загудел могучий элевант, задрал хобот и потешно встав на задние лапы.

В любой другой день девочка с огромным интересом окунулась бы в закулисную жизнь настоящего цирка: рискнула бы прокатиться на одноколёсном велосипеде; сбегала бы к загону, в котором флегматично пережёвывали сено с морковкой гигантские, похожие на динозавров ящеры; попробовала бы жонглировать блестящими булавами, а потом уселась к костру – слушать цирковые байки.

В любой другой день...

Но сейчас Полика смотрела на окружающих с подозрением, как на врагов, но вскоре заметила, что циркачи от неё отворачиваются и отводят взгляды. Как будто им стыдно. Как будто они не согласны с тем, что девочку заперли в темнице, но ничего не могут поделать.

Однако отворачивались далеко не все. В глазах некоторых артистов Полика видела откровенную злость, но не понимала, чем эта злость вызвана. Что она сделала этим людям? Почему они смотрят с такой враждебностью? Почему обрюзгшая тётка в обвисшем комбинезоне с ушами даже попыталась толкнуть девочку, и если бы пленница вовремя не отшатнулась, то, возможно, сбита бы её с ног?

– Что вы делаете?

– Страшно? – ощерилась обрюзгшая.

– Нет. – Полика молниеносно выпрямилась и гордо вскинула голову. – Меня такой ерундой не запугаешь.

– Скоро ты узнаешь, что это не ерунда, – пообещала обладательница трико с ушами, поглаживая похожие на паклю волосы. – Скоро поплачешь.

Девочка молча отвернулась.

– Гордая? – не отставала тётка.

– Гордая, – подтвердил охранник.

– Тем больнее ей будет.

И Полика едва удержалась от резкого ответа. Даже губу закусила, не желая вступать в спор со сварливой бабой.

К счастью, обладательница ушастого трико не пошла за маленькой процессией, но её визгливые пожелания ещё долго сыпались на девочку – всё то время, что они с охранником добивались до огромного, по-другому не скажешь, абсолютно чёрного фургона.

Он был больше любого соседнего и, подобно несокрушимой скале, возвышался над лагерь бродячего цирка. Правда, будучи чёрным, фургон слегка терялся в ночных сумерках, и именно поэтому Полика не сразу его разглядела. Но разглядев, прониклась уважением, потому что длинной фургон напоминал боевой корабль, колёса были выше её, а где находилась крыша, нельзя было даже представить.

Фургон казался старинным замком.

И люди вокруг него вели себя так, словно оказались рядом с настоящим замком, во владениях злого колдуна: боязливо и неуверенно.

Громила-охранник осторожно постучал, дождался негромкого: «Впускай!» – втокнул девочку внутрь и тут же закрыл дверь. Охранник был крепким парнем, но до колик боялся Удомо и старался лишний раз не попадаться чёрному магу на глаза. Однако, избавившись от пленницы, он не ушёл, а уселся неподалёку, ожидая, когда девочку нужно будет вести обратно.

* * *

– Проходи, не стесняйся, – предложил хозяин фургона, глядя Полике в глаза. – Чувствуй себя, как в гостях.

– Почему не как дома? – попыталась огрызнуться девочка.

И услышала холодный ответ:

– Разве мой кабинет похож на твой дом?

– Нет.

– Вот поэтому.

Удомо хохотнул, и смех царапнул пленнице душу – таким неприятным он оказался.

Чтобы отвлечься, Полика огляделась, и в какой-то момент ей показалось, что изнутри фургон даже больше, чем снаружи – настолько огромным выглядел кабинет чёрного мага. При этом мебель и прочие собранные здесь вещи не загромождали пространство, а наоборот – подчёркивали его грандиозные размеры.

Вдоль стен располагались полки и массивные шкафы мрачного тёмного дерева; стояли сундуки и два рабочих стола, на которых в настоящем колдовском беспорядке валялись пергаментные свитки, странные устройства из меди, бронзы и хрусталя, мешочки с травами и порошками, точнейшие весы, бутылочки, флаконы и мензурки всех форм и цветов, а над правым столом висел ужасный череп какого-то страшилища с зубастой пастью и короткими, но весьма опасными на вид рогами.

Пол тоже оказался необычным. Поначалу Полике показалось, что под ногами лежит ковёр, но, приглядевшись, она увидела, что удивительный и невероятно сложный узор из раз-

ноцветных линий, символов, знаков и надписей на незнакомых языках не выткан, а нарисован прямо на досках. Кто-то очень постарался, создавая эту безумно сложную и странную картину.

А сейчас этот «кто-то» сидел в большом резном кресле с прямой спинкой и вертел в руке телефон девочки. Полика узнала свою трубку по приметному чехлу.

– У тебя много подписчиков в ПрелеСети? – неожиданно поинтересовался Удомо.

– Где? – не поняла Полика.

– В ПрелеСети, – терпеливо повторил чёрный маг. – У тебя должен быть аккаунт в ПрелеСети. У всех фей есть аккаунты, и ваше щебетание частенько сводит сеть с ума.

– Не понимаю, о чём вы говорите.

– Чаты, группы по интересам, обмен фото...

– У меня есть аккаунт, – подтвердила Полика, поняв, наконец, о чём говорит похититель. – Но слово «ПрелеСеть» я слышу впервые.

– Правда?

– У вас мой телефон – проверьте.

Захариус улыбнулся:

– Уже проверил.

– И что?

– Я стёр это приложение.

– Какое?

– Не важно. Лови!

Он бросил телефон, и не ожидавшая Полика едва успела подхватить трубку.

– Вы его возвращаете?

– Да, – равнодушно подтвердил Захариус.

– Может, вы меня отпустите?

– Я тебя не похищал. – Чёрный маг подпер голову кулаком и тихонько вздохнул, показывая, до чего утомительно ему, такому умному, отвечать на глупые вопросы.

– Но я сижу в камере!

– Это другое... – Удомо пошевелил пальцами левой руки, будто надеясь нашевелить нужные для ответа слова, и проникновенно произнёс: – Поверь, Полика, я с большим удовольствием вернул бы тебя домой, к папе и маме. Собственно, я всё для этого сделал, и если бы не досадная, нелепая случайность, ты уже спала бы в своей кровати, и всё было бы хорошо... Для всех хорошо: для тебя, для твоих родителей, для меня... Ты понимаешь?

– Нет.

– Вот и прекрасно! – Голос чёрного мага неожиданно стал резким и грубым. – Видишь Истукана позади?

Девочка резко обернулась и бросила быстрый взгляд на могучего воина в чёрном панцире, замершего слева от входной двери. Осматривая кабинет, Полика решила, что доспехи пусты и выставлены для красоты, но сейчас увидела, как, подчиняясь неслышному приказу хозяина, Истукан щёлкнул каблуками и сжал большой тяжёлый кулак, заставив девочку вздрогнуть от неожиданности.

– Он живой?!

– Искусственный... живёт благодаря магии. – Захариус улыбнулся и с гордостью добавил: – Я сделал его сам.

– Вы – колдун?

Задавать этот вопрос было странно, поскольку Полика твёрдо знала, что колдунов не существует. Во всяком случае – настоящих. Однако необычные обстоятельства, удивительный кабинет и откровенный ответ Захариуса намекали, что в деле действительно может быть замешана магия.

Вариантов имелось два: или девочка попала на съёмки фэнтезийного фильма и над ней шутит съёмочная группа, или всё вокруг – правда. А поскольку актёров Полика не узнавала, получалось, что она угодила в настоящую сказку.

– Да, я – колдун, – не стал отнекиваться Удомо. – И поверь – очень хороший колдун. Я прочитал все книги, которые ты видишь вокруг, и даже ещё больше. Я прочитал все книги из лучших библиотек Прелести и научился таким вещам, о которых обычные колдуны могут только мечтать. Никто в Прелести не может сравниться со мной в колдовстве. Ты веришь?

– Пожалуй. – Полика решила не спорить с самовлюблённым чародеем.

– И когда я создавал Истукана, то научил его распознавать ложь. Он чувствует ложь лучше меня и лучше всех в мире и очень не любит врунов. Поэтому если соврёшь мне, девочка, Истукан отрубит тебе голову. Ты поняла?

И Полика окончательно убедилась, что всё вокруг – по-настоящему. Захариус Удомо не угрожал отрубить ей голову – он обещал. Обещал лениво и небрежно. Привычно обещал, зная, что ужасный приказ будет обязательно исполнен. Истукан беспощадно наказывал врагов колдуна, и именно поэтому циркачи так сильно боялись чёрного фургона.

– Ты поняла, что мне нельзя лгать?

– Да, – сглотнув, кивнула Полика.

– Очень хорошо. – Захариус сменил руку и теперь поддерживал голову правой. – Ты помнишь, как тебя посадили в темницу?

– Да... Но не очень хорошо...

Девочка машинально обернулась, но страшный Истукан остался недвижим. Чёрный маг усмехнулся – ему понравился страх пленницы – и продолжил задавать вопросы:

– Ты помнишь, как тебя тащили в темницу?

– Да.

– Откуда тебя привели?

– Из цирка? – неуверенно уточнила Полика после паузы.

– Правильно – из цирка, – кивнул Удомо. – Ты помнишь меня?

– Вы – фокусник. Вам сильно хлопали.

– Как назывался мой главный номер?

– Не помню.

Истукан не шевельнулся.

– Прекрасно! – рассмеялся Захариус, ему явно нравились ответы пленницы. – С кем ты была в цирке?

– С сестрой и, кажется, с родителями. Но насчет них я не уверена.

– Вы точно пошли в цирк с сестрой?

– Да. – Полика прищурилась, с трудом восстанавливая детали прошедшего вечера. – Теперь я вспомнила: цирк приехал к нашему посёлку, и мне это показалось странным...

– То был обыкновенный цирк? – перебил пленницу Удомо.

– Вы сказали, что вы – колдун... – Девочка грустно улыбнулась. – Получается, цирк у вас непростой.

– Ты умная, – хмыкнул Захариус. И кивнул на подвеску: – Для чего предназначен этот кулон?

– Это украшение, – машинально ответила Полика. – Для чего нужны украшения? Чтобы носить.

– Помни об Истукане, – предупредил чёрный маг.

– А что не так? – удивилась девочка, которая действительно не поняла, что именно могло не понравиться в её ответе.

Истукан снова промолчал, подтверждая, что Полика искренна, и Удомо, выдержав короткую паузу, протянул:

– Нет, пожалуй, всё так... – После чего пожал плечами, словно сам себе удивляясь, вновь переменял поддерживающую голову руку и продолжил: – Я устроил дела таким образом, что сразу после представления ты должна была оказаться дома. Но я совершенно позабыл, что у тебя есть сестра – ученица Непревзойдённых...

– Чья ученица? – изумилась Полика.

Но Удомо не ответил, а просто продолжил свою речь:

– Я не подумал о том, что ты притащишь её на представление, а самое главное – что вы пройдёте в Прелесть по одному Самоцветному Ключу... Нет! Самое главное заключается в том, что её похитили прямо перед Звездой!

– Ириску?! – До сих пор Полика надеялась, что с младшей всё в порядке и ей удалось удрать от этих страшных циркачей, однако фраза чёрного мага девочке совсем не понравилась. – Где моя сестра?

– Хотел бы я знать...

– Она дома?

– Хотел бы я, чтобы она оказалась дома... – Захариус хлопнул по столешнице ладонью. – Она должна была оказаться дома! И ты должна была оказаться дома! Вы обе должны были оказаться дома и жить нормальной, спокойной жизнью! А теперь мои планы нарушены, твоя сестра куда-то подевалась, а тебе приходится сидеть в темнице.

– Выпустите меня, – с готовностью предложила Полика. И объяснила: – Раз вы действительно не хотели никого похищать, то самое разумное – меня отпустить.

– Не могу, – печально вздохнул колдун.

– Почему?

Удому побарабанил пальцами по столешнице и очень искренне ответил:

– Веришь ты или нет, но я хочу тебя отпустить, девочка. И я тебя обязательно отпущу: как только мы спасём от похитителей твою сестру, вы сразу же отправитесь домой.

– Отправь меня одну. А потом пусть приедет сестра.

– Хочешь сбежать?

Отпираться не имело смысла, врать – тоже, учитывая, что за спиной стоял страшный Истукан, и Полика ответила честно:

– Я хочу рассказать обо всём родителям и обратиться в полицию.

– Рассказать обо мне? – лениво осведомился Удому.

– Да.

– А где, по-твоему, ты находишься? – продолжил расспросы чёрный маг. И в его голосе проскользнули нотки настоящего интереса.

– Что? – не поняла Полика.

– Где, по-твоему, ты находишься, девочка? – повторил Удому, после чего перешёл на издевательский тон: – Неужели ты думаешь, что я держу тебя взаперти на «футболке»? В шаге от посёлка? Рядом с твоими родителями и полицией? Неужели ты думаешь, что я такой дурак? – Захариус выпрямился и чуть подался вперёд, глядя на Полику большими тёмными глазами. – Ты не дома, девочка, и не рядом с домом, ты далеко-далеко от своего мира, но ты можешь сбежать домой прямо сейчас. В любой момент! Я помогу тебе разрушить защиту Ключа, и ты покинешь Прелесть. Но в этом случае твоя сестра останется тут навсегда, понимаешь? Если ты воспользуешься Самоцветным Ключом, вы никогда больше не увидите, потому что Ириска никогда не вернётся домой!

– Вы врётё!

В голове Полики всё смешалось: другой мир, Самоцветный Ключ, Ириска может не вернуться, полиции рядом нет, родителей рядом нет... Злобный колдун смеётся, уверенный в каждом произнесённом слове, и наслаждается растерянностью пленницы, а значит, всё услышанное – правда.

На глазах девочки выступили предательские слёзы.

– Нет, не вру. – Захариус сделал призывающий жест рукой, и кулон, который он назвал Самоцветным Ключом, сорвался с шеи Полики и перелетел к колдуну. – Камень пока побудет у меня... Как я уже сказал, я очень хочу, чтобы вы оказались дома. Обе. И я это сделаю. – Удому выдержал паузу и добавил: – Не благодари.

Глава VI

в которой Ириска и Хиша заканчивают разговор и ложатся спать

– Получается, Удомо может убить Полику в любой момент? – растерянно спросила Ириска. Они с сестрой, конечно же, ссорились, кричали друг на друга, даже, случалось, целыми днями не разговаривали, но, поняв, что старшей грозит опасность, Ириска не на шутку испугалась. К тому же рядом не было родителей – откуда им взяться ночью, на берегу реки, в другом мире? – не к кому было обратиться за помощью, и неприятное известие в буквальном смысле слова оглушило маленькую фею.

– Почему ты молчишь? – Девочка протянула руку и дёрнула Страуса за крыло. – Захариус может убить Полику?

– Не думаю, – глубокомысленно ответила птица и чуть отодвинулась, поскольку Дикому надоело, что его постоянно за что-нибудь дёргают. – В этом случае Самоцветный Ключ перейдёт к тебе, ты будешь вольна открывать двери между мирами, приходить в Прелесть, когда пожелаешь, и уходить, когда захочешь. А именно этого Захариус боится больше всего на свете.

– Почему?

– Потому что, как я уже понял, а ты – ещё нет, ибо не следила за ходом моих замечательных мыслей...

– Я следила! – не выдержала девочка.

Страус с удивлением посмотрел на фею, после чего наставительно заявил:

– Если следила, то уже должна была сообразить, что Захариус хочет изгнать из Прелести всех Непревзойдённых.

– Почему?

– Наверное, потому, что вы можете ему помешать. – Хиша посмотрел Ириске прямо в глаза. – А учитывая, что за три последних месяца я не встретил ни одну Непревзойдённую, то не «вы», а ты. Ты можешь помешать Удомо.

– Как помешать? – тут же поинтересовалась девочка.

– Не знаю.

– Что хочет сделать Захариус?

– Не знаю.

– Ты ничего не знаешь.

– Знаю.

– Какой же ты глупый, – вздохнула Ириска, – настоящая...

Девочка хотела сказать «курица», но в последний момент решила не обижать нового знакомого таким сравнением.

Тем не менее Дикий возмутился:

– Что значит «глупый»? Тебе не кажется, что ты чересчур разговорила? – И клацнул клювом. Как ему показалось – сурово.

С другой стороны, а кто бы не возмутился на его месте? Ведь его называли дураком! Его! Дикого Страуса! Обозвали! Оскорбление показалось Хише необычайно сильным, он намеревался потребовать извинений, и ещё...

Впрочем, не на ту попал.

– Не кажется, – отрезала девочка. И тут же вернулась к главной для себя теме: – А теперь давай подумаем, как нам спасти Полику?

Поразмыслив, Страус тоже не стал затевать скандал. Он был хоть и диким, но добрым и понимал, что Ириска оказалась в невозможных, очень странных обстоятельствах, сильно напугана, устала... и наивно решил, что, выпавшись, девочка станет вести себя иначе.

Поэтому Хиша просто ответил на вопрос:

– Для начала нужно вести себя осторожно и не попадаться.

– Это я умею, – уверенно ответила Ириска, припомнив те из своих многочисленных каверз, что остались безнаказанными.

Ириска была хорошей девочкой, но иногда, конечно же, хулиганила и при этом старалась избежать наказания. Чтобы не расстраивать папу и маму, разумеется, потому что, как все маленькие девочки, Ириска была твёрдо уверена в том, что родителям лучше не знать о её проделках, и тогда всё будет хорошо.

Но, вспомнив о семье, девочка ойкнула и с испугом посмотрела на Хишу:

– А папа и мама?

– Что папа и мама? – не понял Страус, подбрасывая в костер ещё одну веточку.

– Мы ведь уехали на «футболку», бросили велосипеды и исчезли, – медленно, как маленькому, объяснила Ириска. – Сейчас уже глубокая ночь, и папа с мамой, наверное, с ума сходят от страха.

– Не сходят.

– Но ведь прошло много времени!

– Здесь свои законы.

– Здесь – это в Прелести? – тут же спросила девочка.

– Да.

– И какие тут законы?

– Не перебивай меня.

– Это первый?

– Это – главный! Ты хочешь слушать?

– Да.

– Тогда молчи. – Хиша многозначительно посмотрел на маленькую спутницу, убедился, что она пока не собирается болтать, и продолжил: – Самоцветный Ключ имеет замечательную особенность: он вернёт тебя туда, куда ты захочешь, и в тогда, в когда ты захочешь. Если пра-

вильно выберешь время и место, то никто не заметит, что вас не было в мире людей слишком долго. Вы просто вернётесь с «футболки» и пойдёте ужинать. Как всегда.

- Как такое может быть?
- Волшебство, – развёл крыльями Хиша. – Оно всё объясняет.
- Я и забыла, что нахожусь в другом мире.
- В Прелести.
- И разучилась колдовать.
- К сожалению, – добавил Дикий.
- Да...

Ириска прекрасно понимала, что нового друга пугает беспамятство, в которое её погрузил злой Захариус, понимала, почему он беспокоится, и изо всех сил старалась вспомнить хоть что-нибудь, но пока не получалось. И от этого девочка расстраивалась ещё больше.

- Что будем делать? – тихо спросила она только для того, чтобы не заплакать.
- Неподальёку есть Щебетание, – опять непонятно сообщил Хиша. – Мы с Уди как раз двигали в него, когда увидели цирк.

- Зачем?
- Надеялись найти помощь. Ну и вообще: хотели поговорить с феями, послушать, что они обо всём этом думают.

В действительности получилось не «опять непонятно», а очень даже непонятно. Слова, которые произносил Дикий, отказывались складываться в осмысленный текст.

- Щебетание – это процесс, – произнесла Ириска, строго глядя на Страуса.
- И что?
- А ты сказал, что это место.
- Когда дойдём – сама поймёшь, – пообещал Дикий и широко зевнул, деликатно прикрыв клюв правым крылом. – Что-то я устал.
- Хорошо, ты устал и хочешь спать, – согласилась Ириска и поправила рваное одеяло, в которое её укутала птица. От реки тянуло холодом, и если бы не костёр, у девочки давно бы уже зуб на зуб не попадал. – Но перед сном ты расскажешь мне о Прелести.

- Это ещё почему? – взвился Страус.
- Или сказку. – Маленькая фея улыбнулась. – Мне нужно рассказывать на ночь сказки, тогда я лучше сплю. Вот папа всегда рассказывает сказки. Но папа остался дома... – Она шмыгнула носом. – Так что сказка с тебя, пернатый.

- Я не умею рассказывать сказки, – растерялась птица.
- Тогда расскажи о Прелести.
- Почему?!
- Потому что тогда я не усну и буду тебя спрашивать, спрашивать и спрашивать...
- Э-э... – Хиша вдруг подумал, что утром ничего не изменится, Ириска останется такой, какая есть, и загрустил. – Что именно рассказать?

- Всё, – не стала скромничать девочка. – Я ничего не помню.
- Всё так всё. – Страус решил согласиться, потому что маленькая фея очевидно засыпала. – Прелесть – это...
- Всё хорошее?
- Всё интересное. Всё то, что ты вспоминаешь с улыбкой. Всё славное.
- Здорово, – прошептала девочка.

И улыбнулась.

– Прелесть – это всё доброе и весёлое, это приключения, возможно, опасные, но обязательно захватывающие. Прелесть – это всё разноцветное, что есть в жизни, это всё, что пахнет восторгом. И чем чаще ты улыбаешься, чем интереснее твоя жизнь, тем чаще ты оказываешься в Прелести.

– А как в неё попасть?

– В любое время.

– А самый первый раз?

Хиша улыбнулся.

– Каждая девочка обязательно получает шанс оказаться в Прелести, поселиться в ней и узнать её тайны. Главное – не отказаться от этого шанса, не пройти мимо.

– А как же Самоцветный Ключ?

– Он появляется после того, как девочка в первый раз самостоятельно ступила в Прелесть.

– И у меня есть Ключ?

– Обязательно, – подтвердил Дикий. – Но ты его где-то оставила и вошла в Прелесть вместе с сестрой.

– Получается, в Прелесть может прийти любая девочка?

– Обязательно.

– Разве это правильно?

Ириска сквозь сон подумала, что некоторых девочек в волшебный мир лучше не пускать, однако Страус был неумолим:

– Правильно, потому что Прелесть – это место, где каждая девочка – каждая, каждая! – становится феей. Разве это не здорово?

– Здорово, – кивнула Ириска.

И вдруг поняла, что ни у кого нельзя отнимать возможность стать волшебницей. И если есть на свете место, где каждая девочка превращается в фею, то в него должны пускать всех-всех!

– Поэтому в Прелести много Дворов, – продолжил Дикий. – Одни феи умеют управлять птицами, но не всеми, а только певчими, добрыми. Другие предпочитают хищных. Третьи – мудрых сов... Есть феи, которым подвластны лисы, а есть те, которые подчинили своей силе воду. Или цветы... Фей очень много.

– В Прелести есть кто-нибудь, кроме них?

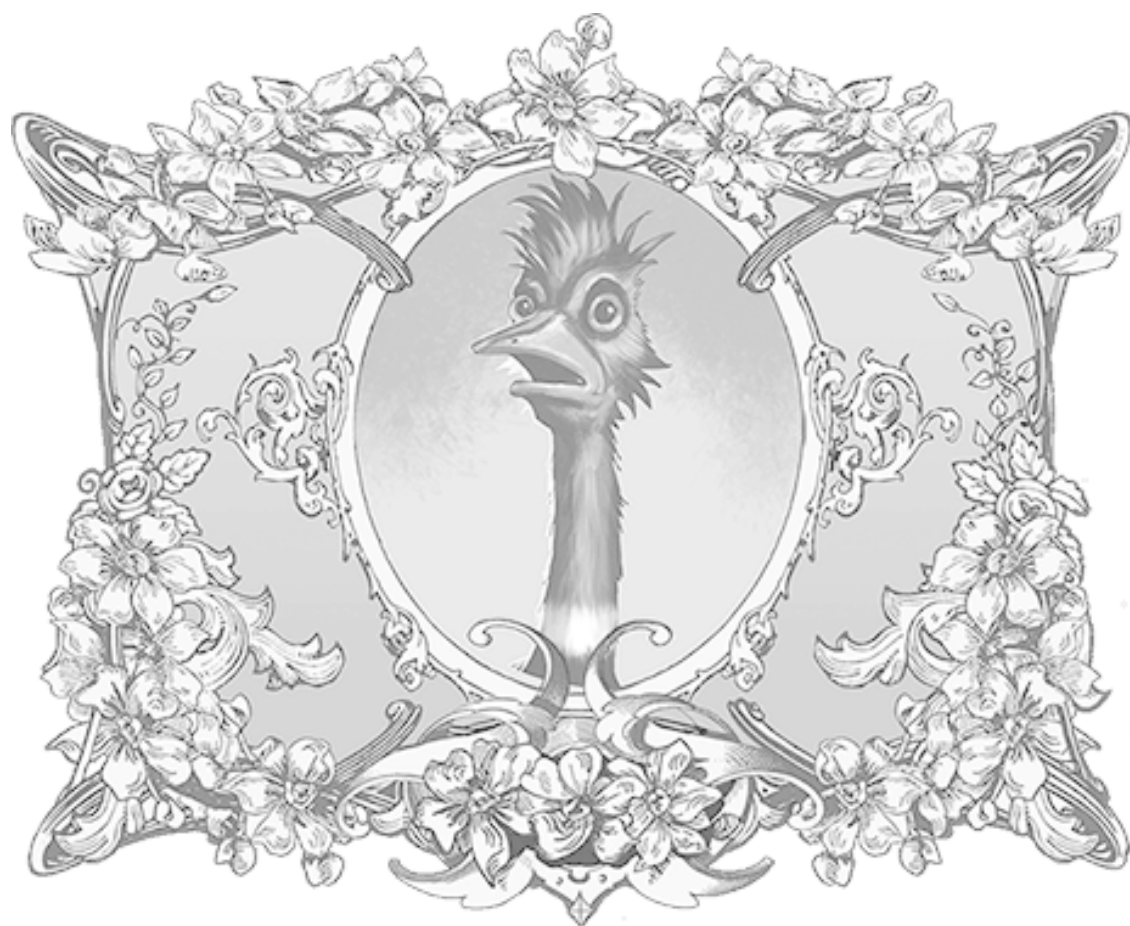
– Конечно. Я, например.

– Ты добрый.

– Злые тоже есть, – машинально ответил Хиша.

– Откуда? – уже засыпая, спросила Ириска.

– Прелесть слишком хороша, – тихо ответил Дикий. Он услышал сопение, понял, что девочка уснула, и следующую фразу произнёс не для неё, а для себя: – А зло не терпит ничего хорошего.

Глава VII

в которой Ушастая Бетти получает волшебный «указатель» для поиска Непревзойдённой, Полика знакомится с Кавальери, а Захариус Удомо отправляется в Плесень

– Итак, последняя из Непревзойдённых потеряла память и больше не угрожает моим планам... Но правда ли это? – Сидящий за рабочим столом Удомо отвлёкся от своего занятия – он собирал какое-то механическое устройство – и посмотрел на Истукана. Внимательно посмотрел, как будто действительно ждал ответа от облачённого в чёрные доспехи воина. А тот привычно промолчал, стоя в положении «смирно», слева от входной двери.

Иногда Захариусу не хватало собеседников, поскольку колдун искренне считал свои мысли и планы слишком умными для того, чтобы их мог понять кто-то из помощников. Ну в самом деле, не требовать же совета от Нелепого Марчелло, правда? Или от главного Кияшко, который научился считать лишь на четвёртом году обучения в школе? Оставаясь при этом в первом классе... Или от Трынделя, который в школу вообще не ходил...

Чёрный воин тоже не понимал хозяина, но Удомо давным-давно привык видеть в Истукане надёжного, умеющего хранить тайны собеседника и во время размышлений частенько обращался к нему: задавал вопросы и придумывал за молчуна ответы.

– Ты прав, Истукан: пленница не страшна. Полика взаперти, ничего не помнит, ничего не знает и лишена Самоцветного Ключа. Но что делать с её сестрой? Ведь даже одна-единственная Непревзойдённая способна нарушить мои планы... Что ты сказал?

Истукан продолжил молчать со всей возможной почтительностью. На самом деле он вообще не умел говорить, но колдуна это обстоятельство не смущало.

– Ты тоже полагаешь, что ученица Непревзойдённых опасна?

Тишина.

– Но она совсем маленькая и ничему толком не научилась.

Никакой реакции.

– Сегодня ты необычайно красноречив, – рассмеялся Захариус, откидываясь на спинку кресла и выключая настольную лампу, которая освещала царящий на столе кавардак: листочки с обрывками записей; блестящие инструменты – щипчики, кусачки и отвёртки, которые больше подошли бы часовщику, нежели волшебнику; кусочки каких-то камней, металла и проволоки, шестерёнки, винтики, гайки и прочие детали. – Плохо не то, что на свободе осталась одна маленькая ученица, с ней, в конце концов, можно справиться. Плохо то, что Хиша видел представление. Страус, конечно, не гений, но мозги у него работают, а значит, он наверняка разгадал мою тайну и понял, что я лишаю Непревзойдённых памяти о Прелести. Хиша расскажет мафтанам, мафтаны расскажут красно-синим, те – феям, и все объединятся против меня. – Удомо вздохнул с искренней печалью. – А ведь я так хотел, чтобы всё прошло тихо и мирно, без ненужной агрессии и сопротивления.

И чтобы в один прекрасный день громогласные герольды провозгласили его владыкой Прелести, а все феи и все Дворы, все Прелестные Животные, все люди, младшие народцы и прочие обитатели мира – чтобы все-все-все послушно склонились перед ним.

Перед Захариусом Первым, великим императором!

Вот о чём мечтал чёрный маг Удомо, вот ради чего изгонял из Прелести Непревзойдённых – он жаждал стать единоличным правителем целого мира. Но теперь боялся, что замысел раскроют слишком рано, до того как он соберёт достаточное число сторонников и избавится от

самых опасных врагов. Захариус боялся, что свободолюбивые обитатели Прелести не позволят поработить себя.

– Но я умнее, а значит – сильнее всех на свете! Правда?

Истукан ответил утвердительным молчанием.

– Хорошо, что ты со мной согласен.

Колдун понимал, что беглецы для него опасны, но не мог заняться поиском лично – ему предстояло долгое и трудное путешествие. Искать Страуса и фею придётся помощникам, и это обстоятельство тревожило Удомо, который понимал, что ему служат отнюдь не гении. Но другого выхода у него не было.

В дверь робко постучали, а после того, как Захариус небрежно разрешил войти, створка приоткрылась, и в фургон бочком протиснулась Ушастая Бетти.

– Хозяин...

Унылый вид обрюзгшей тётки лучше тысячи слов сказал о том, что она принесла дурные новости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.